ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации Об'единений Советских Писателей РСФСР

МОСКВА 14 МАРТА 1931 г. № 14 (113)

РЕДАКЦИЯ: Тверской бульвар, 25, Дом Герцена. Тлф. 2,80.12

ФУРМАНОВ И ЛИТЕРАТУРНОЕ СЕГОДНЯ

«Художественная правда заключается в том, чтобы без утайки рассказывать все необходимое, но рассказывать все правильно, то-есть под определенным углом зрения». Эти слова Дмитрия Фурманова сегодня звучат с особой силой. Фурманов умер пять лет назад. За прошедшее пятилетие не умаляло фактического значения фурмановского наследства для советской литературы не позарастило это наследство в литературный архив. И сегодня мы вновь обращаемся к автору «Чапаева» и «Мятежа», чтобы увидеть в нем нашего современника, который поможет нам разрешить ряд острых вопросов, встающих перед советской литературой.

Путь роста Фурманова как писателя есть путь его вызревания как большевика. К большевизму Фурманов пришел путем органической самоопределки, путем преодоления ряда мелкобуржуазно-интеллигентских иллюзий, путем разрыва со своим прошлым. Он начал с неопределенных революционно-попутнических (если тут уместен этот термин) настроений, он прошел через этап анархических блужданий, он нашел себя в рядах коммунистической партии. Он, которому было чуждо самобичевание интеллигентского хлюпика, обладал величайшим мужеством, он умел видеть правду как она есть и рассказывать эту правду для своих читателей и для самого себя под «определенным углом зрения». Его дневники, опубликованные после его смерти, показывают, как трезво он смотрел на трудности самоопределки и какие максимальные требования выдвигал он перед самим собой. Он был непримиримым врагом всякой лакировки, всякой успокоенности, всякого сглаживания углов. Из попутчика рабочего движения он превратился в пролетарского революционера. Разве это не служит великолепным примером для многих попутнических писателей, становящихся литературными союзниками пролетариата, то есть одним из будущих резервов пролетарской литературы?

Фурманов особо подчеркивал решающее значение мировоззрения. Он не был книжником, схоластом, кабинетчиком. Для него мировоззрение было неразрывно связано с действием, с классовой практикой. Фурманов вошел в литературу так, как сейчас входят рабочие-ударники: им руководило желание в художественных образах передать опыт класса, борющегося за социализм. Он был одним из первых представителей нового типа писателя, рожденного Октябрьской революцией. Составление партдневника воззваний и работа над большим художественным произведением были для него различными формами классового действия.

Когда кончилась гражданская война, он отложил в сторону винтовку и взялся за перо, он был готов в любой момент снова вернуться к оружию Красной армии. Таков был Фурманов, как представитель нового типа писателя, воспитанный пролетарской революцией, в революции переделавший себя и сжегший мосты мелкобуржуазных иллюзий.

«Чапаев», «Мятеж» и ряд других произведений Фурманова прочно вошли в железный инвентарь советской литературы как один из ее лучших образцов. Но вокруг фурмановского наследства уже наслоились легенды, которые необходима рассеять. К числу таких легенд относится прежде всего легенда, отводящая Фурманову роль одного из основоположников «литературы факта». Произведения Фурманова действительно документальны, в их основу легли подлинные события, участником которых был сам автор. Однако, нужно ничего не понимать в значении Фурманова для литературы, чтобы «Мятеж» и «Чапаев» назвать обычными мемуарами, экспонатами «литературы факта». Художественная сила, правдивость и убедительность фурмановских произведений вызываются тем, что их автор сумел осветить и об'яснить изображаемые им факты «под определенным углом зрения»—под углом зрения пролетарского революционера; что он, владея пролетарским мировоззрением, сумел подняться на большую высоту обобщения; что он не ограничился механическим регистрированием фактов, а отделил в последних значительное и основное от незначительного и случайного, раскрыв закономерность событий. Невозможно принципиальное противопоставление Фурманова другим пролетарским писателям, пользующимся так называемым «вымыслом» (тем более, что и сам Фурманов в последние годы своей жизни отходил от «документальности» «Мятежа» и «Чапаева»). И, наоборот, существует резкое принципиальное отличие между творческим методом Фурманова и творческим методом писателей, отстаивающих позиции «литературы факта».

Мы начали статью словами Фурманова, дающими краткое выражение сущности его творческого метода. Эти слова как нельзя более своевременны в свете закончившегося разгромом «Литфронта» этапа творческой дискуссии в пролетарской литературе. Генеральная творческая линия пролетарской литературы складывалась в борьбе на два фронта. Она складывалась в борьбе с отрицателями ведущей роли мировоззрения, с проповедниками художественного об'ективизма и бездейственного созерцательства. Она складывалась, с другой стороны, в борьбе с «лакировщиками» действительности, с мелкобуржуазными суб'ективистами, с проповедниками «идеализации» одних сторон действительности и «замазывания» других. В той формуле, которую дает Фурманов, содержится ответ на вопрос о месте Фурманова в творческой дискуссии. Эта формула целиком укладывается в ту формулу, которую шлифует и уточняет основное ядро пролетарской литературы. Характерно отметить, что Фурманов не отделяет «поэтичности» художественной литературы от «угла зрения», для него — об'ективное познание действительности немыслимо без партийности и, с другой стороны, партийность не исключает, а предполагает это об'ективное познание.

При поворотах к новым задачам пролетарская литература еще долгое время будет обращаться к Фурманову, разрабатывая его наследство и отталкиваясь в последнем ответы на «злобу дня». Фурманов был одним из организаторов и руководителей пролетарского литературного движения СССР. Но он был одновременно и предшественником другого движения, которое теперь нашло свое организационное завершение в создании ЛОКАФ. Он должен также привлечь к себе усиленное внимание тех отрядов попутнической литературы, которые в реконструктивный период превращаются в отряды литературного союзничества.

Большевик, комиссар Красной армии, писатель, создавший огромные по своей значительности произведения, — таким вошел Фурманов в историю.

И перед ним, перед «Митгеем», советская литература и миллионные читательские массы обнажают головы в пятилетнюю годовщину его смерти.

АН. ГИДАШ

ФУРМАНОВ

Тебя не знал я,
Товарищ Фурманов.
Печально и строго
Все же стоял над тобой
В карауле,
Оберегал тебя,
Кто нас оберегал при жизни.
Так я стоял над тобой в карауле,
Хотя и без движенья.
Ты, изможденный, лежал.
Близилась полночь — немногих минут нехватало.

Над нами, в клубе,
Сидели комсомольцы.
Входя в дом,
Они прочитали твое имя,
И я слышал: притихнув,
Поднялись к себе.

А полчаса спустя
Уже смеялись
Сладко,
Споря во все молодые глотки.
Ты же покоился внизу
В нескончаемой тишине.
Но, не в пример другим,
Ты первый —
Я знаю —
Сказал бы:
«Ну, что ж! Они правы!»
Ведь каждое утро
Встает солнце,
И март вступил
В последнюю фазу.
Обо всем этом ты уже не знаешь,
Товарищ Фурманов.
Завтра весна
Взлохматит поля
И сердце нагнетет
Свежей, горячей кровью,
Чтоб на исходе немногих недель
Зелеными стали деревья,
А на бульварах
Ночами
Опять зашуршала листва—
И наступило первое мая.

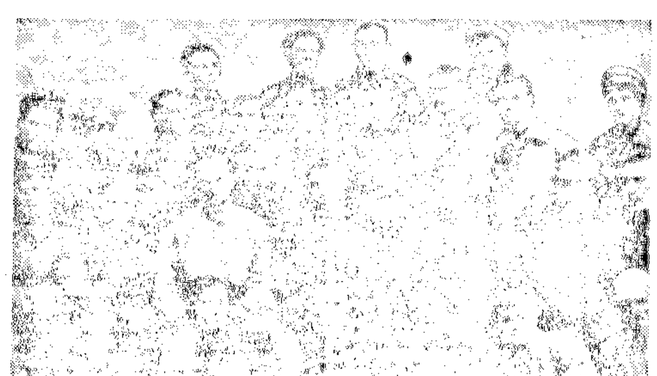
В типографиях шепчет свинец,
Мастер отливает строчки,
И машина послушно кладет в его ладонь
Хрустящие листы.
И нагнетаются теплом
Комнаты коммуны.
Обо всем этом ты уже не знаешь:
Что продолжается борьба,
Что пролетарские писатели идут впе-ред—
Только ряды их поредели...
Обо всем этом ты не знаешь.
И потому
Так тяжело
У нас на сердце.

Утром,
В доме,
Где я живу,
Встретил я маленького пионера.
Погладил его по голове,
И он поднял на меня глаза.
А ты лежал в великой тишине —
Там.
И в глазах пионера я увидел тебя:
Для новой жизни воскрес ты
Вместе со всеми
Погибшими
С простым сердцем
За наше дело.

Перевел А. КОЧЕТКОВ

(1926. Март).

Туркестанский фронт



Дм. Фурманов среди работников политуправления фронта

СЕГОДНЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯ

❖ В номере «Л. Г.», от 10 ноября 1930 г. была напечатана заметка, в которой указывалось на неудовлетворительную работу **И. Сельвинского** в Моссовете. По полученным редакцией сведениям в ответственной заметке неправильно охарактеризована деятельность т. Сельвинского, энергично работавшего в ревизионной комиссии совета. Бюро военной секции Моссовета нового состава поставило **т. Сельвинского, зарекомендовавшего себя как активиста, закрепить за новой секцией Моссовета на 1931 год.** Местком писателей, куда бюро секции обратилось с соответствующим представлением, советской стороны просил поэта продолжать работу в Моссовете.

❖ В издательстве «Федерация» выходит **полное собрание сочинений А. С. Серафимовича.** Комментировать и редактировать это собрание будет **Г. Нерадов.** Собрание состоит из 12 томов. Издание будет отличаться от госиздатовских изданий лучшим внешним оформлением: белая чистая шрифтом, лучшей бумагой и наклейкой.

❖ В ближайшее время в «Федерации» выйдет новое иллюстрированное издание **«Железного потока»** А. Серафимовича. К работе над его оформлением привлечена группа художников во главе с т. **Пискаревым.**

❖ ФОСП отправил на весеннюю посевкампанию свыше 50 писателей, которые уехали в различные районы СССР. Писатели получили задания как по линии ФОСП, так и от других организаций: НК с.-х. рабочих, Главискусства, «Крестьянской газеты» и др. ФОСП организовал средства на премирование трех лучших произведений писателей о посевкампании.

❖ Секретариат ФОСП сдал в издательство «Федерация» сборник «Большевистский сев», который содержит ряд очерков, рассказов, стихов, лозунгов предназначенный для колхозов, совхозов и рабочих клубов. Через ТАСС разослан литературный бюллетень ФОСП, который снабдит всю печать литматериалом, посвященным весеннему севу.

❖ Секретариат ФОСП выделил комиссию по разбору материалов в связи с опубликованием письма тов. Серафимовича в «Литературной газете». В комиссию выделены тт. **Соловьев, Коренев, Макарьев, Сиоырев, Егорошвили и Зелинский** («Литгазета»).

❖ **Ленинградские писатели до сих пор не имеют клуба.** Массовая культурно-политическая работа литературной секции сосредоточена в Доме печати. Однако, секретариат ЛенФОСП, заслушав доклад представителя правления Дома печати (т. **Баршева**), констатировал, что фактически никакой работы среди писателей Дом печати не ведет. Решено провести кампанию по вербовке писателей в клуб работников печати. ФОСП принимает на себя литературный раздел работы клуба и переносит туда массовую работу Федерации.

❖ На собрании общегородского **актива ЛАПП т. М. Лузгин** сделал доклад о февральском пленуме правления РАПП. Выступление в прениях единодушно одобрили работу и решения пленума.

❖ На 5 апреля созывается **областная конференция МАПП.** Начата подготовка к конференции: для изучения состояния организации и обследования ее работы созданы 2 бригады из представителей литкружков «РОСТ» и «Пролетарская смена». Ко всем разборам МАПП привлекаются члены РАПП для оказания помощи работе литкружков.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

* Выбор последней премии французского романа «Академии Гонкуров» особенно симптоматичен, поскольку он с большой четкостью устанавливает ее политические тенденции. Премия присуждена Анри Фоконье за его роман «Малаэ» (Малакка), выходящийся помесью авантюрного колониального романа и сентиментальной исповеди. Нового он ничего не дает, если не считать экзотической обстановки Малайского архипелага, где разворачивается действие. Жизнь и быт малайцев автора мало интересуют, поскольку он туземцев рассматривает как «живой инвентарь», который ему нужен только для разработки изучкуковских концепций. Как один из крупнейших плантаторов Малакки, Анри Фоконье не только не пытается раскрыть порабощенного рабочего положения туземцев, но старается под весьма замысловатой эстетской маскировкой, оправдать свое преступление против туземцев.

Книга в целом является таким образом оправданием империалистического тезиса о праве белого распоряжаться судьбой колониальных народов, вплоть до предоставления ему права на убийство.

* Под давлением протестов политических и литературных организаций немецкий драматург Фридрих Вольф временно освобожден из тюрьмы. В связи с его арестом во всех городах Германии состоялись собрания протеста и образована комиссия по подготовке плебисцита против § 218 закона о запрещении абортов. В работе принимают участие многие представители радикальной буржуазной интеллигенции. Еще недавно в тюрьме, Фридрих Вольф послал заявление в Центральный комитет о своем вступлении в коммунистическую партию Германии, обосновав это тем, что «мы должны бороться не только с § 218, а со всем капиталистическим строем».

Бела Иллеш получил от Фридриха Вольфа телеграмму, где он благодарит Международное объединение революционных писателей за его помощь и просит передать свой сердечный привет всем пролетарским писателям и драматургам Советского союза. Как только он несколько освободится от хлопот по процессу, Фридрих Вольф поедет Советский союз.

* Борис Пильняк проехал через Париж в Нью-Йорк для дел интервью в журнал «Монде» редактируемый Анри Барбюссом и в центральный орган французской компартии «Юманите». Говоря о литературе, Пильняк, между прочим, сказал, что сейчас нельзя больше говорить об одной русской литературе, а приходится думать о необычайных возможностях, которые таит в себе национальные литературы всех советских республик.

* Пьеса Валентина Катаева «Квадратура круга» проходит сейчас с большим успехом на сцене парижского театра «Ателье».

ПРОТИВ ЗАПРЕЩЕНИЯ ЛАТВИЙСКОГО ЖУРНАЛА „ЛЕВЫЙ ФРОНТ"

Преследование латвийскими властями революционного движения обозначено новым актом произвола. Единственный революционный журнал «Левый фронт», редактируемый тов. ЛИНАРДОМ ЛАЙЦИНОМ, запрещен полицией, за помещение в нем рассказа, рисующего тяжелое положение рабочих и крестьян в латвийской армии, готовящейся к войне против СССР.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ поднимает свой голос протеста против произвола латвийской реакции и призывает всех революционных писателей мира присоединиться к этому протесту.

В Париже после представления новой пьесы «Дело Дрейфуса» толпа набросилась на актера, игравшего роль Анатоля Франса, выступающего в пьесе в качестве горячего сторонника Дрейфуса, и избила его до полусмерти.

В СТРАНЕ „СВОБОДНОГО" ИСКУССТВА

Спектакли в «Театре Амбигю» в Париже проходят ежедневно под охраной наряда полиции

В ПОХОД ЗА ОВЛАДЕНИЕ ТЕХНИКОЙ!

ПРЕЖДЕ ВСЕГО ЛИКВИДИРОВАТЬ ТЕХНИЧЕСКУЮ НЕГРАМОТНОСТЬ ПИСАТЕЛЯ

Г. Е. КОРЕНЕВ
ФОСП

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ

ФОСП наметил ряд мероприятий в целях вовлечения писателей в борьбу за овладение техникой.

В конце марта состоится встреча ФОСП с ВАРНИТСО. Этот вечер должен положить начало систематической работе по ознакомлению писателя с основами современной науки и техники, сблизить писательскую общественность с научно-техническими кругами. В программе вечера — доклад представителя ВАРНИТСО о генеральном плане электрификации СССР (в связи с опубликованием в печати приказа по Госплану).

Предполагается наладить постоянную связь деятелей науки с писательскими организациями. Связь эта будет выражаться в том, что писатель или группа писателей, которая работает над темой, требующей известных технических знаний, будет прикреплена к тому или иному ученому, работающему в соответствующей области. Кроме того, на «литературных декадниках», организуемых ФОСП, предположено устроить ряд бесед деятелей науки и техники с писателями.

ФОСП проводит сейчас прикрепление писателей к фабрикам и заводам. В ряде очерков, статей, рассказов писатели должны рассказать о том, как идет овладение техникой на предприятиях. Предположено издание сборника на эту тему.

Наконец, перед федерацией писателей в целом стоит задача, выходящая за пределы «плана»: это — борьба за то, чтобы в современной литературе была отражена проблема освоения техники в нашей стране. Надо, чтобы художник показал, как великая аграрная страна превращается в страну индустриализации и переговой техники: как новые кадры техников из рабочих и крестьян справляются с первоклассной техникой Тракторостроя и Днепростроя. Это должно быть показано на конкретных фактах того или иного предприятия.

В этом деле большая роль падает на «Литературную газету» и на всю печать в целом как по линии РАПП, так и по линии ФОСП.

Очень много могут дать в этом отношении ударники, призванные в литературу. На любом старом заводе отразилась вся история нашей революции: разрушение этого завода после империалистической и гражданской войны, затем восстановительный период, реконструктивный период и борьба за технику.

Если на каком-нибудь предприятии мы сумели бы от одного ударника или группы ударников получить такое произведение, это было бы большим достижением нашей литературы. Для большего успеха в этом деле нужно, чтобы наши уже зарекомендовавшие писателя взяли шефство над ударниками, которые будут работать в этой области. В частности ФОСП, который является шефской организацией завода Ильича, думает провести там первый такой опыт.

Е. А. КОРОВИН
Профессор 1 МГУ

ПРОТИВ ГОЛОГО ТЕХНИЦИЗМА

Основным недостатком отображения техники в современной художественной литературе я считаю, во-первых, увлечение голым «показом» технологических процессов (я тому же не всегда достаточно технически грамотным) и, во-вторых, «неинтересные» техники, характерное для писателей, стоящих вне производства, и своим «хождением на производство» напоминающих народническое «хождение в народ».

Социальный эффект того и другого минимален; по-моему, он менее всего доходит до тех, кто является непосредственным участником производственных процессов и кого советская художественная литература должна обслуживать в первую очередь.

Между тем, **боевой лозунг об овладении техникой,** выдвигаемый тов. Сталиным как одно из важнейших условий успешного осуществления всей пятилетки социалистической реконструкции, **открывает благодарнейшее поле деятельности для художественной литературы.** — Показать на доступных массам художественных образах, какое место занимает данный технический процесс в общем плане социалистической стройки и борьбы за социализм, показать, какие ослепительные горизонты открывает пролетариату овладение техническими знаниями, вскрыть все значение этого невиданного в истории человечества пафоса боев за технику и заразить им массы, — таков подлинно исторический «социальный заказ» третьего года пятилетки художникам слова СССР. От его выполнения зависит определение их социальной ценности и собственного места в рядах великой армии борцов за социализм.

Б. М. ЗАВАДОВСКИЙ
Профессор 1 МГУ

ЗА ТЕСНЫЙ КОНТАКТ ПИСАТЕЛЕЙ И НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ

Каждый пролетарский писатель должен принять непосредственное участие в осуществлении директивы партии об овладении техникой. Место писателя в этом походе за технику — весьма ответственное.

На литературных произведениях приходится убеждаться в том, что писатели не знакомы с теми производственными процессами, о которых они пишут. Для писателя, помимо умения художественным словом отобразить производство, необходимо овладеть техникой. В этом отношении правильн путь, избранный писателями по линии прямого перехода на производство и овладения процессами производства на заводах и колхозах.

Лозунг об усвоении техники, выдвинутый тов. Сталиным, требует конкретизации, выделки об'ектов изучения. Писатель, при своей подвижности и знании жизни, может художественным словом помочь и подсказать эти об'екты, помочь найти формы реализации этой задачи.

Писатель должен преодолеть те неправильные понятия, которые возникают в связи с имеющимися представлениями о технике. Обычно, усвоение техники понимается слишком узко; при этом подразумевается только производственные процессы, связанные с использованием машины. Между тем столь же ответственная задача и овладение техникой сельскохозяйственного производства.

Писатель должен содействовать более глубокому пониманию лозунга об усвоении техники: он обращен не только к инженерам и техникам, но и к каждому строителю социализма.

Писатель может в художественных образах отобразить и перспективы в области освоения техники: это будет иметь большое значение.

Перед нами стоит и другая большая задача — приблизить научно-исследовательскую работу к рабочей массе. Это тем более необходимо, когда мы ставим проблему подготовки кадров. Между тем научно-исследовательские работники не владеют популярным языком, искусством передачи научно-исследовательских процессов в простой форме, понятной широким массам читателей. Вместе с тем им трудно иногда об'ективно оценить и охарактеризовать производственный процесс научной работы с той именно стороны, которая наиболее интересна и понятна широкой рабочей общественности.

Научно-технические силы должны оказать активную поддержку этой важной работе писателя. Помимо устройства лекций и докладов видных работников науки и техники на широких собраниях писателей необходимо организовать посещение писателями научно-технических институтов для изучения процессов производства. Сейчас техническими музеями проводится большая работа по внедрению техники в массы. Было бы очень желательно освещение этих процессов в очерках. Например, хорошо было бы провести смотр того, что дает Политехнический музей в области выполнения лозунга — «техника—массам». **Писатель как художник сумеет оказать нам большую помощь на этом важном фронте.**

Ф. Богородский

«Да здравствует строгая СССР»

ГАСТРОЛИ ВМЕСТО ОСВОЕНИЯ ТЕХНИКИ

Четыре месяца назад рабочие завода «Красный пролетарий» взяли шефство над **А. Жаровым, А. Безымянным, И. Утиным, Г. Никифоровым, Ю. Олешей и В. Катаевым.**

Рабочие завода «Красный пролетарий» обещали оказывать всемерное содействие творческому росту этих писателей и **предложили подшефным писателям включиться в жизнь завода,** в его культурную работу, в реальную борьбу за выполнение пятилетки в 4 года.

Через месяц в торжественной обстановке был оформлен договор и разработан план работы подшефных писателей на производстве. Писатели были распределены по цехам, им были выданы расчетные книжки.

❖

В цехах завода «Красный пролетарий» к шефству над писателями отнеслись с большим интересом.

Вот, что писали «краснопролетарцы» в заводской газете «Двигатель».

«Взятие шефства—очень важный и замечательный факт. Необходимо напрячь усилия на то, чтобы не скомкать его, чтобы не получилось бумажного шефства. Наши поэты и писатели должны включиться в жизнь завода, чаще бывать в цехах, беседовать с рабочими, передать им свой творческий опыт».

(Т. НУХАРЕВ)

Что сделано писателями за эти месяцы их пребывания на заводе?

❖

— Джек Алтаузен по-настоящему включился в жизнь завода, — говорит секретарь заводской партийной т. Ершов.—В меньшей мере участвуют в работе завода А. Жаров и И. Утин.

Формально отнеслись к шефству А. Безымянский, Г. Никифоров, Ю. Олеша и В. Катаев. А. Безымянский после заключения договора — с 3 декабря — ни разу не был на заводе, — отмечает т. Ершов. В. Катаев, Ю. Олеша, Г. Никифоров по три раза были на заводе, беседовали с рабочими... и только. В повседневную практическую работу завода эти писатели не включились.

— **Мы начали поход за овладение техникой.** На заводе «Красный пролетарий» выделен день технической учебы, организованы курсы мастеров. Наш завод начинает переходить на новые усовершенствованные заграничные станки. Мы впервые выдвинули опыт преимущественного снабжения ударников, принятый ВЦСПС для распространения на другие заводы. **Но писатели-подшефные еще не включились в поход за технику, не отражают его в своих произведениях, не помогают нам в этом отношении.**

— Надо перевести шефство на практические рельсы,—заявляют в редколлегии заводской газеты «Двигатель» тт. **Федулов и Айзинь.** — Писатели не должны ограничиваться «гастрольными» приездами на завод, а участвовать в повседневной работе цехов. Они могли бы и должны были принять самое непосредственное и активное участие в походе за овладение техникой.

АМАТ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЛЕНИНГРАД

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР—БОЕВАЯ ПРОВЕРКА

Кампания призыва рабочих-ударников в литературу в Ленинграде закончена. Некоторым кажется, что тем самым отходит на второй план, если не отпадает совсем, задача дальнейшего вовлечения в ряды пролетписательского движения рабочих, тяготеющих к литературному творчеству. Им кажется также, что раз кампания окончена, стало быть, все сделано, стало быть, можно успокоиться, ничего больше делать не нужно. Те, кому это кажется, люди случайные в нашем движении, которым чужды его задачи, чужда его сущность, в глазах которых призыв есть некая показная шумиха, парадный костюм по торжественным дням. Такие люди рано или поздно будут разоблачены, рано или поздно будут изгнаны из наших рядов.

Да, проделана большая работа, вовлечены десятки и сотни людей. Но как немного это по сравнению с тем, что нужно еще сделать. И как надо быть оторванным от жизни, движения, чтобы не понимать того, что вся основная работа—впереди.

Движение рабочих-ударников в литературу, рожденное культурной революцией, тем качественно новым, что происходит в рабочем классе, новым коммунистическим отношением к труду в стране строящегося социализма,—нельзя обеднять, нельзя сводить к ограниченности только литературного значения. Такова известная ошибка т. Авдеенко, которому казалось, что если он не обнаружит в тех первых слабых творческих шагах рабочих-ударников, которые мы имеем в настоящее время, по крайней мере, нового жанра, то этим будет принижено, умалено принципиальное значение этого творчества. На самом деле, он этим принизил его.

Но из того, что в борьбе за пятилетку, за социализм, в обмене опытом этой борьбы родилось массовое движение рабочих-ударников в литературу, никоим образом не вытекает фаталистический вывод—«ничего не делать, смотреть и ждать, что будет дальше», — вывод, провозглашенный Перцовым на очередной производственной конференции в Москве, вывод, представляющий собою оборотную сторону лефовского функционализма тов. Перцова.

Авдеенко стремился не замечать слабых сторон в творческой работе ударников, поэтому любое проявление этой слабости расценивалось им как особенность, сторона последовательно осуществляемого метода диалектического материализма. По существу, это — сектантничество, отрицание необходимости и значения революционной теории, обожествления рабочего пуара. Тем, что присуще самой действительности, нельзя подменять вопрос о том, как это присущее действительности понято, осмыслено, вскрыто в произведении, отражающем ее. Но сектантничеством худшего вида является и утверждение внешне обратного порядка, утверждение, очень полюбившееся некоторым критикам, что элементы материалистической диалектики, обнаруживаемые в произведениях ударников, есть диалектико-материализм, присущий отображаемой действительности, произведение же, автор, мировоззрение его — здесь решительно не при чем. Иначе—рабочий-ударник—медиум, чудесно вещающий истину с закрытыми глазами и выключенной головой. Будьте последовательны, будьте мужественны, дорогие «критики», спешащие помочь рабочему-ударнику советами такого порядка.

Мы отбрасываем все эти «советы», все эти «теоринки». Мы знаем, что только на определенной стадии развития культурной революции, на определенном уровне развития мировоззрения широких рабочих масс могло возникнуть такое явление, как творчество рабочих-ударников, и этот уровень, еще очень невысокий, есть тот, на котором находятся произведения рабочих-ударников, есть тот, на котором опосредствована отраженная в них действительность.

Мы знаем, что задача повышения уровня мировоззрения рабочего-ударника, пришедшего в литературу, углубление его, задача помочь ему овладеть революционной теорией есть важнейшее дело, которому мы должны отдавать все наши силы, жестко ударяя по всем тем, кто вздумал бы этому помешать. Мы знаем, что не все, не каждый, пришедший в наше движение, станет и должен стать пролетарским писателем-художником, но мы знаем, что нужно сделать все возможное для того, чтобы облегчить призывнику его творческий рост, помочь ему в кратчайшие сроки овладеть спецификой художественного творчества, овладеть диалектико-материалистическим творческим методом, усвоить весь опыт, накопленный движением.

Кампания призыва закончена, но вся работа — впереди. Творческий смотр, проводимый ЛАПП в марте месяце, ударном по смотру, есть тот рычаг, который должен на деле повернуть ЛАПП к этой работе. Он должен создать условия закрепления призванных в литературу в движении. Он должен выявить все наши слабые стороны, в частности слабости организационные, с тем, чтобы устранить их, должен создать такую творческую атмосферу в организации, которая, активизируя тяготение, интерес призванного к литературе, обеспечивала бы его творческий рост, укрепляла рабочее ядро, рост всей организации. Без этого призыв рискует стать призывом на бумаге, без этого эпигонствующим, затаившимся лиффронтовцам, лакировщикам и приспособленцам и в самом деле могло бы удаться кое-что в отношении срыва призыва, срыва результатов его.

Смотр есть экзамен всему ЛАПП, есть проверка того, насколько мы действительно перестраиваемся, находимся на уровне задач, выдвигаемых историей. Смотр есть также экзамен и проверка всему активу ЛАПП, каждому активисту, насколько он действительно рационален, насколько он действительно достоин быть организатором, членом массового пролетписательского движения, и не случайно ли его пребывание в наших рядах. Великая подвижная смотра будет рассматриваться, как опортунизм на практике, как срыв работы, как свидетельство о том, что такому «организатору» нечего делать у нас.

Смотр укрепит организацию, обеспечит ее поворот лицом к творчеству, поможет вывести весь мусор, всю пыль, лежащую в нам, как к основному, ведущему отряду в литературе.

Смотр соревнования будет проводиться, начиная с заводского кружка, на слетах нескольких кружков, на районных слетах, и закончится общегородским слетом, на котором будут подведены итоги. Выдающиеся кружки, лучшие руководители и секретари кружков, наиболее проявившие себя творчески работые-ударники, лучшие литературным будут премированы подпиской на журналы «Октябрь», «Звезда», «Ленинград», «Резец», «РАПП», «На литпосту», библиотечками и творческими отпусками.

Какой кружок будет считаться лучшим?

Тот, который в своей учебе в практике тесно связан с живым производства, активно участвует в борьбе за профинплан, за пятилетку, связан со стенгазетой, с печатной газетой, ведет литературную, участвует в живой газете и т. д. и т. п., который в постановке своей работы на деле осуществляет лозунг: «Лицом к цеху».

Тот, который отдает себе полный отчет в решающем значении для пролетарского писателя марксистско-ленинского мировоззрения, понимает необходимость всемерного повышения уровня его, понимает необходимость усвоения кружковцами ленинской революционной теории, политической грамоты, который умеет строить работу в кружке так, чтобы она опиралась, была связана с системой ленинских кружков и школ на производстве, который знает уровень каждого своего члена, руководит его развитием в этом отношении.

Тот, который ориентируется в основных вопросах литературной политики (наследство, попутчики, «Литфронт»), понимает роль наследства в общем движении, понимает связь вопросов литературной политики с вопросами творчества (тезисные лозунги наследства, лозунги «Перевала», лозунги «Литфронта»).

Тот, в котором наиболее широко развернута конкретная творческая дискуссия, в котором действительно критически прорабатываются произведения членов кружка, в котором прорабатывается все наиболее значительные для творческого развития нашего движения произведения пролетарской и попутнической литературы.

Вот такой кружок мы будем считать лучшим. Вот опыт таких кружков, опыт работников этих кружков станет в результате смотра общим достоянием всей организации, будет перенесен на те участки, где работа отстает и хромает.

Смотр не может быть проведен успешно без руководства и помощи со стороны парт. и комсомольской и профорганизаций без широкой кампании со стороны заводской и общей печати, со стороны всей работы общественности. Нужна материальная помощь смотру по линии премирования со стороны издательств, со стороны профорганов. Не должно быть такого положения вещей, которое, к сожалению, нередко еще бывает, когда дела, касающиеся литературы, рассматриваются как чисто-литературные, как мы-то «частные», «домашние» дела. Нельзя сомневаться, что такого положения на этот раз не будет. Значение художественной литературы в социалистической стройке теперь никому не приходится доказывать. Смотр получит ту помощь и внимание, на которые он вправе рассчитывать.

МИХ. ЛУЗГИН
ЮРИЙ ЛИБЕДИНСКИЙ

ПАМЯТИ ДМИТРИЯ ФУРМАНОВА 1926—1931

Дм. Фурманов.—Кубань. 1920—1921 г.г.

СТРАШНЫЙ ПУТЬ

НЕОПУБЛИКОВАННЫЙ ОТРЫВОК ИЗ ДНЕВНИКА ДМ. ФУРМАНОВА 1920 Г.

Еду сейчас по линии Изюм-Яма, Ямполь, Никитовка. В этих местах свирепствуют крупнейшие шайки бандитов — человек по 800—1000. Они почти ежедневно налетают на поезда и первым делом кричат:

— Жиды, комиссары и коммунисты — выходи!

Тех, которые выходят, уничтожают на месте, остальных выбирают потом и уводят расстреливать в станицу. Окрестные станицы дают главные кадры в бандитские шайки, они их всем снабжают, они же помогают бандитам уничтожать нашего брата. Вот мы уже проехали Святогорск, скоро подедем к Лиману. Говорят, что главная опасность еще впереди, именно за Лиманом. Таким образом положение мне страшно опасное. В Лимане думаем взять для сопровождения броневик, но и это может не спасти, если будет нападение. Уже ночь кругом, не видно ни зги, а за Лиманом идут глухие леса. Здесь-то именно бандиты обычно и делают свои налеты. Они или сигналами останавливают поезд или через машиниста, им сочувствующего, заводят поезда в тупики и там совершают свое подлое дело.

Недавно они разграбили товарный поезд, а 20 матросов, которые его сопровождали, раздели донага и зарубили. Бандиты обычно не расстреливают, а рубят. Это ужасно. Следует сказать, что матросы были отлично вооружены — и все-таки ничего не смогли поделать. У нас в составе 10—12 вагонов, почти сплошь набитых делегатами, ответственнейшими работниками, возвращающимися с VIII с'езда. Бандиты знают, кто едет и прилагают все усилия к тому, чтобы наш поезд уничтожить. Это бесспорно. Им поможет может только броневой поезд, который мы думаем взять с собой в Лимане.

Украина бурлит, волнуется, негодует. Мы едем в эту глушь и почти каждый ежедневно смерти. Мы уже подготовили свои документы и в первую очередь партийные билеты. Мне из Иваново-Вознесенска выдан был документ как «отступному Номер IX». Этот документ я и решил использовать, назвавшись артистом. Я скажу, что ездил на с'езд театральных деятелей, а на билете, на удостоверении я уже приписал карандашом, что «артисту Фурманову разрешается закупать театральные руководства и журналы». Этот документ я оставил в кармане, все же остальные убрал в кожаный мешок. Важно обмануть и протечи только первый момент, а потом «авось, небось, да как-нибудь». Только бы сразу не зарубили.

Итак, положение смертельно опасное. И все-таки я твердо верю, что останусь жив. Каким путем — не знаю, но останусь жив. Может быть бандиты вообще не сделают налета, может быть побоятся броневика, или даже будут нам расчищать. Затем, если даже нас и отсекут, может быть и проведу бандитов и сойду за артиста, а там и скроюсь. Может быть, пока отстреливаясь, мы и продержимся до момента помощи.

Самый страшный путь — это путь от Лимана до Бахмута. Мы решили поэтому в Лимане потребовать, чтобы один из двух стоящих там броневиков отправился сопровождать нас до Бахмута. Поезд останавливался, и мы отправились к коменданту. Дежурный по управлению сообщил, что здесь броневиков нет, оба на участке, а есть вот броневагончик. Мы выразили комендантуру броневагончиком, но тут — ничего, так как она только-что возвратилась из рейса и не имела ремонта. Если же запрячь новый паровоз, как сообщил дежурный комендант управления, — потребуется целых 4 часа. Мерзя этого дежурного мне показалась подозрительной, а еще более я насторожился, когда узнал, что один из броневиков стоит здесь, в Лимане, в дежурный заверил нас обманул. И пристыдил я ему караул, пообещав ему, администрации оторвать голову, если только что-нибудь с поездом случится и если не примут мер к отправке с нами броневиковдежки или броневагона.

Вызвали мы к себе в комнатку боевого участка, в распоряжении которого числились оба броневика. Он состоит в частной Рез. тройке, охраняющей весь путь на значительном участке. Он так же бесстрашен, как и комендант и все его сослуживцы. Мы не нарадуемся, кому можно доверяться, с кем можно договорить, так как в каждом видели только местного украинца — и не больше. А ж.-д. администрации, особенно местная, находится в неожиданной связи с бандитами. Комендант бронеучастка сообщил, что мы уже миновали один из опаснейших пунктов, отстоящий теперь от нас на 6 верст позади, куда теперь и отправится бронепоезд. Бронепоезд должен обстрелять расположение банд, которые сюда перекочевали из района Ямполя и Ямы. Утверждение комендантов было голословное, вражеских сил никто не знал, и если частичка показалась по другую сторону Лимана — это совсем не значит, что они бросили район Ямполя. Наконец, видя, что насчет брони у нас ничего не выйдет, мы решили ехать без охраны.

Сели и поехали. Я уже все документы убрал в мешок, а теперь снял кобур, спрятал в него, револьвер же, крошечный револьвер-бульдог, подарок Пан положил в карман. Я рассуждал так: удастся спрятаться и скрыться — скроюсь, а не удастся — выпущу шесть пуль, а седьмую себе в висок. Даваться живым в руки бандитам не следует, т. к. они, по сведениям, рубят своих пленных. Когда я подумал про эту 7-ю пулю — мне сделалось не по себе — жаль стало молодой, кипучей жизни, жаль счастья. Я и верил и не верил тому, что пущу себе в висок эту седьмую пулю. Нервы тронулся. О, как еще много опасных станций, как все еще долог путь.

Когда поезд разгонял ход верст на 30—40, мне становилось легче, я знал, что на таком ходу налетать с нами ничего не смогут, а устраивать крушение не входит в планы бандитов. Вот потянулись земли, показались новые заводы, шахты — это разъезд Ямполь. Мамо-мамо.

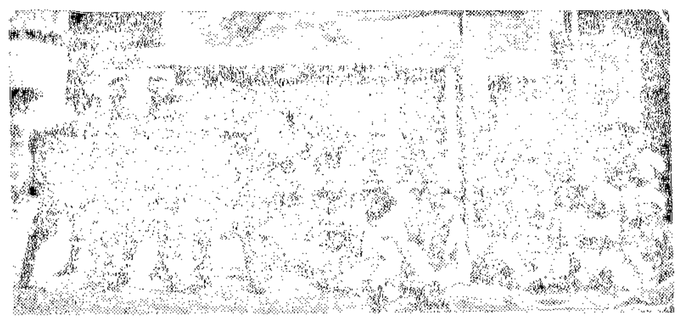
Поезд действительно не остановился, только замедлил ход. Мы увидели разрушенный кирпичный домик, ряд деревьев и больше ничего. Едем дальше: леса и кустарники миновали, показа равнина, пересеченная сильнейшими оврагами, ямами, рытвинами. Недаром тут и не всех станциях говорится про Ямы: Ямполь, Яма.

Здесь стояли минут 30. Мы торопимся, торопим других. И лишь уже подъезжаем и выискиваем место возле кодес, где, пожалуй, можно скрыться, если только поезд будет стоять. Я все примечаю, все беру на память. Идем мимо станции вагона — спереди и сзади, на буферах, на лесенках, на площадках размещались какие-то темные фигуры. Нам подозрительно. Бандиты обычно делают так, что еще в пути, до нападения, закупоривают все выходы, а потом, остановив поезд, окружают его, встают у дверей и никого не выпускают.

Тронулись из Ямы. Еще миновали одно опасное место. Дальше. Скоро Соль. На этой Соли несколько дней назад бандиты обобрали поезд и расстреляли 20 матросов. Скверное место, что и говорить. Машинист остановил поезд. Что такое — спросил? До Соли еще осталось еще любых 10 верст? А, сделал ли нару нет. Нас снова берет сомнение. Кругом глухая степь. У самого полотна дороги огромная рытвина. Мы выходим из вагона, бродим возле него и ждем, все ждем, что вот-вот мы выпрыгнем сначала головы коней, а потом насчитаем несколько сот всадников, заляскают шашками и кинутся к нам. Всматриваюсь во тьму, но ничего не вижу, кроме одинаких кустиков по краям рытвины. Здесь простояли мы еще мучительных полчаса. И когда мы бродили возле вагонов, все попадавшиеся нам фигуры казались подозрительными. Ночь делала особенно жутким наше положение и состояние.

Весь поезд спит, спят все 300 делегатов, только мы втроем, знающие весь ужас, ходим целую ночь в дежурим. Обидно, что такая масса ответственнейших работников может погибнуть. Нас в Харькове никто и ни о чем не предупредил, никто не снабдил оружием, не дал надежной, достаточной охраны. А есть 300 человек. И все это — цвет Республики. А погибнуть могут все до единого ни за понюх табаку. Обидно.

На Соли стояли новых полчаса. Тронулись. Перед Бахмутом снова подозрительная станция в степи. Сию минуту проехали в Бахмут.



«Мятеж» в Театре им. МОСПС

ЧЕМУ УЧИТ НАС ФУРМАНОВ

О гражданской войне написано очень много романов и пьес, рассказов и стихов. Некоторым даже кажется, что написано слишком много. Это — неверно. Гражданская война имеет еще много неосвещенных уголов. Некоторые сложнейшие вопросы военного периода пролетарской революции еще вовсе не разработаны нашей художественной литературой.

Характерной особенностью целого ряда произведений, посвященных гражданской войне, является то, что они написаны, в сущности, по поводу или в связи с гражданской войной. Каждое событие придумано как некое специфическое положение. Это становится совершенно очевидным при первой серьезной попытке разобрать эти произведения с точки зрения действительных событий, имевших место в период гражданской войны.

Фурманов не придумывал событий гражданской войны. Наоборот, гражданская война придумала Фурманова как писателя и борца.

Гражданская война дала основной материал для творческой деятельности Фурманова. Но это не главное, что определило незначительный успех его произведений и что обеспечило ему столь выдающееся место в пролетарской литературе.

Фурманова с волнением читали, читают и еще долго будут читать бесчисленные массы. Тиражи фурмановских произведений достигли огромной цифры. Чем это об'ясняется? Об'ясняется это одним обстоятельством, которое кажется все-кому парадоксальным, — тем, что боец-Фурманов писал Фурманова-писателя.

Биография Фурманова, его боевая работа, его материал и метод работы над материалом заслуживают по-той же мере (сейчас быть может больше, чем когда бы то ни было) самого пристального внимания наших писателей. Пример Фурманова представляет для нас особый интерес.

Нельзя низводить писателя-художника до уровня простого фотографа, но нельзя и придумывать события и людей, как это вынуждены делать некоторые писатели, оторванные от живой жизни. Нельзя и не к чему: самый одаренный художник, самое богатое воображение не придумает явлений более величавых, волнения, более напряженных, людей, более сложных и героических, чем дает сама жизнь...

Будущее принадлежит тем писателям, которые изучат, поймут и покажут всю глубину событий, происходящих ныне в нашей стране.

Будущее принадлежит тем писателям, которые свяжут свою жизнь и творчество с практикой борьбы и строительства рабочего класса преобразующего мир.

Этому учит опыт Фурманова.

Г. КОРЕНЕВ

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Пять лет назад, напрягая в борьбе с болезнью свои полководческие фронтовой силы, умер Д. А. Фурманов.

Три недели тянулся поединок со смертью, и в ночь на 12 марта смерть наверняка Фурманова.

У постели Фурманова сходились друзья и враги по литературным боям. У всех была одна мысль — вырвать его из когтей смерти. Со всех концов СССР получались телеграммы, запрашивающие о состоянии здоровья. Телефон не переставал звонить, и часто я не знала имен тех, кто справлялся о здоровьи Дмитрия.

Дом походил на вооруженный лагерь. Люди с заваленными в борьбе лицами, с орденами беспомощно опускали головы, выходя из комнаты, где лежал Фурманов.

Никто не мог верить, что Фурманова не станет.

Писать о нем, как о мертвом, страшно. Сильном любви он жизнь, людей, умел чутко относиться к их горестям, обидам, он искренно желал усовершенствования.

Фотографии его довольно точно определяют его характер.

Умные, пристально - внимательные глаза, твердый, ласковый склад губ, немного упрямый наклон головы, высокий открытый лоб. Не могли только фотографы передать жизнерадостности человека, жаждущего наверстать потерянное, интеллектуальной и общественной жизнью, человека, борющегося и творящего, бурно радовавшегося от ощущения правильно найденного пути.

Его жизнь была очень загружена, и он не в состоянии был бы сделать и половины того, что сделал, если бы жил, не регламентируя свою жизнь.

Он был требователен к себе, но того же требовал и от других.

Наша квартира была центром для всех спорящих напостовцев.

Он не созерцал революцию. Он был активнейшим ее участником.

Он—боевой комиссар дивизии, он — редактор газеты... Но что бы он ни делал, где бы он ни был, под пулями ли белого казачества в Уральских степях, в тылу у Врангеля или в административном кресле работника Наркомпрода, Наркомфина, он ни на одну минуту не выпускал из рук записной книжки. Наблюдая себя и других, он фиксирует действия и настроения людей, и из этих материалов возникли впоследствии «Чапаев» и «Мятеж» и все другие его произведения.

Чапаев его—что на только живой Чапаев, это—собирательный тип целой разновидности крестьянских полководцев, порожденных эпохой гражданской войны.

Многое осталось у него недописанным, многое осталось недосказанным, и сам Фурманов, чуяя сознание в ночь на 12 марта, сказал:

— Пустите меня, пустите я еще не все сказал, мне так много надо сказать...

Писатель-большевик, писатель-боец оставил большое литературное наследство, в котором отражены не только его простой скромный облик, но и великие дни революционных боев.

АННА ФУРМАНОВА

ОТ СИЛЬНОГО НАЖИМА СЛОМАЛСЯ КАРАНДАШ...

ЗАМЕТКИ

В кино-фильме «Мятеж» есть такой кадр: Фурманов и его товарищи, схваченные мятежниками, сидят в тюрьме. В перспективе — расстрел. Жить осталось считанное время. Фурманов лихорадочно спешит записать в свою записную книжку последние события. Надо записать полнее. Надо успеть. Ведь прийти за ними могут каждую минуту. От сильного нажима ломается карандаш. Неожиданно и досадно прерываются записи.

Этот кадр не вымысел. В архивах Дмитрия Фурманова среди других сохранилась и эта записная книжка и эти страницы, которые своим обычным твердым почерком Дмитрий записал в тюрьме в ожидании смерти. И в середине страницы, там, где сломался карандаш, идет жирная обрывистая черта.

Тогда смерть была предотвращена. Тогда, и в десятках других случаев, когда, казалось, выхода нет, Митяй умел отточить свой карандаш и сунул по материалам своих записных книжек, своих походных тетрадей дать пролетарской литературе «Чапаева» и «Мятеж».

Карандаш окончательно сломался пять лет назад. Записные книжки, дневники, вставшие в памяти беседы, в которых он делился с нами планами своих будущих работ, говорят о том богатейшем опыте, об интереснейших замыслах писателя-большевика, о планах, которые остались не реализованными.

Мы мало учимся у Фурманова. Мы мало используем то наследство, которое он нам оставил. А между тем, именно сейчас, когда все наше пролетарское движение подымается на высший уровень, когда новые рабочие писатели-ударники приходят в пролетарскую литературу, когда мы говорим о создании нового типа писателя, писателя борца, писателя, активно участвующего в строительстве, именно сейчас особо выразительно фигура Фурманова, подлинного ударника пролетарской литературы.

Фурманов был большевиком и на фронтах гражданской войны, и в боях за пролетарскую литературу. В своих книгах он обобщал опыт своей горячей большевистской жизни.

В одной из книг на вопрос, откуда черпает материал для наблюдений, Фурманов ответил:

«Идешь по улице, сидишь ли на заседании, собрании, говоришь ли с отдельным человеком, все распространяется как материал для художественной обработки. Многое и наиболее характерное успеваю записывать».

С трудом можно себе представить, как мог этот человек всегда, во всех обстоятельствах, почти не прерывая, вести свои дневники. Для этого нужны были большая сила воли, выдержка и целеустремленность. Сам Фурманов на вопрос, что является необходимым для творческой работы, писал:

«Я чтение, и общественная работа, вдумчивая наблюдательность ежесекундно и во всем — самосгруппированность, умение забывать (на время) ненужное и сосредоточиваться на главном».

Все, кто соприкасался с Фурмановым, знают, что для него все это не было только словами.

Придя в МАПП, Фурманов быстро выдвинулся в руководящее ядро. Всегда твердый, решительный, строгий к себе и к другим и в то же время чуткий и отзывчивый товарищ, следящий за работой других, — он был глубоко принципиален, резко восставал против всякого попрошайничества, жестоко разоблачал подхалимаж во всех его проявлениях. В этой принципиальности и честности позицией он требовал от всех. Он зверски много работал, писал, редактировал книги в Госиздате, руководил МАПП. К своему творчеству он относился очень строго, с чувством огромной ответственности. Сам активный, непосредственный участник в руководитель чапаевской дивизией, он, приступая к работе над книгой, далеко не удовлетворялся своими записями. Он запрашивался в детальном изучении материала. В первые дни работы над «Чапаевым» в августе 1922 года он записывает в дневнике:

«Хочу собрать решительно весь материал по «Чапаеву». Как он создается, что особенно волнует, что удается, что нет, какие меры и ради чего принимаю? Это интересно и полезно. Прежде всего — ясна ли мне форма, стиль, примерный объем, характер героев и даже самые герои? Нет. Не вторых, пьяча ли свое дарование на вещах более мелких? Нет. Имеешь ли имя, знают ли тебя, ценят ли? Нет. Приступать поэтому всему трудно... ...Материал сливаешь прочел весь. Буду читать еще и еще. Буду группировать. Пойду в редакцию «Известия» читать газеты того периода, чтобы ясно иметь перед собой всю эпоху в целом, для того чтобы не ошибиться и для того чтобы натолкнуться еще на что-то, о чем не думаю теперь, и не подозреваю. Вопрос: Дать ли Чапая действительного, с грехами, со всей человеческой требухой или, как обычно, дать фигуру фантастическую, т.-е., хотя и яркую, но во многом настрированную. Сиповаюсь больше к первому».

Через месяц он записывает: «Читаю про Чапаева много. Материала — горы. Происходит борьба с материалом, что использовать, что оставить... ...Встаю, думаю про «Чапаева», ложусь — все о нем же. Хожу, сижу, лежу, каждую минуту, если не занят срочным, другим, — только про него, про него...».

Окончив «Чапаева», он начинает книгу «очерком». Конечно, он очень любит эту свою первую книгу, книгу, которая зажигает и организует читателя, книгу, которая показывает и самого Чапая в его развитии и весь процесс роста чапаевцев и их борьбу. Ведь кроме всего прочего, эта книга напоминает ему о тех днях, когда он был вместе с Чапаем. И он показывает Чапая не как иконописного Георгия победоносца — показывает «с мелочами, с грехами, со всей человеческой требухой», ничего не замазывая и не лакируя, создает книгу, показывающую, почему побеждала Красная армия и не могла не победить.

И тут же, вычитав книгу, он старается практически подойти к ней. Он пишет в дневнике: «1. Конечно, очень охота, чтобы произведение было прекрасное, действительно, я тогда пусть и огнины будут хорошие, если же... 2. Много недостатков... Не буду рад, коли в них станут некоторые умалчивать хотя бы из вежливости, товарищеских ко мне чувств и т. д...».

И это опять не пустые слова. Он был прежде всего человеком дела. Он растет. Он видит, что в «Чапаеве» есть срывы, недоработанности, неровные места. И несмотря на сплошь благоприятные и даже восторженные отзывы, несмотря на выход в короткое время трех изданий, он опять берется за самую жестокую переработку «Чапаева». Сто страниц успел переработать Дмитрий. Каждое слово он еще раз пересматривал. Это действительно огромная работа. Он не смог окончить ее. «От чрезмерного нажима сломался карандаш». Уже больной, с высокой температурой, он участвовал в работах с'езда пролетарских писателей в борьбе с еще сильной тогда рапповщиной. В стычках.

С тех пор уже пять лет. Новые кадры пришли и идут в пролетарскую литературу. Они должны узнать всю историю пролетлитературы, всю историю борьбы за качественность. Они должны узнать, как работал писатель-большевик Дмитрий Фурманов, один из лучших ударников пролетарской литературы.

АЛ. ИСБАХ

ВЕЧЕР ПАМЯТИ ФУРМАНОВА

Завтра, 15 марта, в 7 часов вечера, в Красноармейском зале Центрального Дома Красной армии состоится вечер памяти краснознаменца—пролетарского писателя Дмитрия Фурманова. В программе вечера: Доклад Авербаха. Воспоминания: Киршона, Матэ Залка, Исбаха, А. Фурмановой, чапаевцев и др. Выступления артистов и постановка Театра им. МОСПС «Чапаев».

ПАМЯТИ ПИСАТЕЛЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА

ДМ. ФУРМАНОВ — НА ТЕАТРЕ

Когда в 1927 году московские театры лихорадочно искали пьесу, которой можно было бы ознаменовать день десятилетия Октябрьской революции, наш театр, Театр им. МОСПС, остановился на Дм. Фурманове.

Нас привлек тот революционный пафос, которым насыщены произведения, всегда волнующие нас, организующие сознание, укрепляющие и закаляющие волю на борьбу с трудностями, на создание новых социалистических основ.

Нас привлекло в «Мятеже» Дм. Фурманова полотно широкого охвата, дающее возможность показать гражданскую войну с ее динамикой и острой социальной насыщенностью. Показать массу — еще не вполне организованную, но целеустремленную.

Мы ставили себе задачей, на основе конкретного материала, имеющегося в повести и пьесе покойного Дмитрия Андреевича, создать такое воспроизведение гражданской войны, которое — с одной стороны воспитывало бы мощь Красной армии в процессе ее роста и укрепления, выявляло бы героизм и преданность идее социализма ее рядовых бойцов, а с другой стороны — захватывало бы зрительный зал волной сочувствия и энтузиазма.

Прошло четыре с половиной года со дня постановки «Мятежа», и неизменно этот спектакль не перестает пользоваться успехом и любовью у пролетарского зрителя. Вслед за «Мятежом» мы показали «Чапаева». Тот же прием, тот же успех.

Фурманов до тонкости владел секретом воздействия на ум и сердце пролетария.

Литература и театр потеряли в его лице крупного революционного художника.

Е. О. ЛЮБИМОВ-ЛАНСКОЙ

ПЕТР и АЛЕКСЕЙ

Удивительная вещь. Петру «не везло» в русской литературе. Не получался. Лев Толстой, ведь, собирался писать о нем роман. Собирал уже материалы. А вышел «Война и мир». Если не считать предшествующей героини Пушкина, в существе только Д. Мережковский посвятил этой теме epopée, не лишь затем, чтобы вместить ее под ложноклассическими декорациями «исторической трагедии». Остальное — частности, фрагменты. Столь «европейская» фигура «преобразователя России» не укладывалась ни в дворянский либерализм, ни в народническую протестующую линию литературы XIX века... Но здесь не место развивать эту тему.

И вот «Петр Первый» Алексея Толстого. И широкий размах, и темперамент, и философия эпохи. Первое впечатление — захватывающая книга, смелая удача писателя. Да, этот роман сделан настоящим мастером. Говорите вы себе, закрывая книгу. Потом вы хотите дать себе отчет в этом чувстве. В чем заключена притягивающая сила романа и какова его центральная идея?

Сила эта — в языковом ритме, в соответствии его внутренним жестам героев, в обильных реалистических красках. Эпоха Петра с ее пламенем, бытом, говором и страстями действительно развернула в свободной, большой манере. Прежде всего роман Толстого несколько отступает от обычной композиции исторических романов. Это не роман с действующей интригой и ведущими героями. Это скорее историческая хроника, литературная фильма, которую можно назвать «люди и нравы XVII века». И сам Петр встает здесь лишь как носитель «духа времени», его идеи. Какой — мы увидим потом. Если вы сопоставите с исторической литературой, мемуарами, выбор Толстым материала, то первый вывод какой надо сделать, что автор находится в обычном русле исследований буржуазной науки (главным образом Кизеветтера). Но все это растворено в художественно сконцентрированном отрывке. Старая Русь дана подробно, энергически, «ренинской» кистью. Голодные дети, экономика крепостнического двора, бревенчатая московская улица, разбойничьи в лесах, царская свадьба, истовые заседания, боевые шумные на «думах» в тяжелых шубах, пугливо «злого духа» — все это замечательно ярко и во многом верно. Некоторые второстепенные персонажи выбраны и воспроизведены в том же характерном для эпохи разрезе. Например, Василий Васильевич Голицын, любовник Софьи, ее кавалер, один из замечательнейших людей того времени. Первый русский либерал, составлявший проекты отмены крепостных у помещиков и целых самоуправления «разделения труда» двух сословий, на которые опирается государство: «кормящего и служащего»—«ремесла лапти», «вмешивающий неволник заморской жизни, сочувствующий в своих дерзновенных хотениях что было в Оксфорд ему» записки о «сопрадении всех дел, ниже вышеми общественных».

Но вторая линия не позволила бы выше романов Бенедикты или даже Вальтера, если бы Алексей Толстой ограничился только стилистическими задачами или воспроизведением исторической эпохи. Острота романа, его темперамент возникает именно оттуда, что Толстой увлекся некоторой идеей, для которой разнообразие бытового материала есть своего рода «обаятельный процесс». Тема эта дана в форме разоблачения «психологической загадки Петра». Почему именно должен был возникнуть на российской низкой этот политический деятель, с беспечной юродивой жестокостью исковеркивший Русь на европейский салтык? И в чем был исторический смысл его деятельности? И вот здесь мы должны будем решительнейшим образом отвергнуть философию эпохи, которую развивает Толстой. Дадим это решение сразу: Толстой видит весь смысл деятельности Петра в «европеизации России», то есть идет по пути давным-давно определенным марксистской исторической наукой, как путь буржуазной мысли (здесь коренится между прочим и заблуждение Плеханова в части объяснения сущности русского исторического процесса). И второй ложный мотив романа — игра на философских соблазнах с современностью». Тоже типичный для идеалистического ума ход размышлений. Откуда же ведет начало этот ход мыслей?

Петр всегда был своеобразно «современен». Этому причиной была исковая (до наших дней во многом сохранившаяся) отсталость России. Ведь в «история старой России заключалась в том, что ее непрерывно били за отсталость» (И. Сталин). Именно это «наследственная» ситуация делала личный образ Петра всегда злободневным. Это он первый в древней, полуфеодальной России поставил задачу «догнать» буржуазную Европу. И его поведение — так поставлялись его сохранить в истории — было поведением человека, дерзнувшего вырвать, вырезать с кровью у феодально-землевладельческой полуазиатской страны ее «культурное», буржуазно-капиталистическое будущее. В этом смысле сама рациональность поэтики Петра в отношении старой, «грязной и дикой» России, его беспощадная критика словом и железом «матушки-кормилицы» — не раз становилась острым пунктом для либеральной оппозиции. Недаром Чаадаев, первый западник, посвященный на самодержавный «мессианизм» России и объявленный за это «безумным», защищался в своей знаменитой «Апологии сумасшедшего» этим русским «евангелием от Петра»:

— Я не научился любить свою страну с закрытыми глазами, с покорно опущенной головой, с безмолвными устами. И любить родину, как Петр Великий научил меня ее любить. Прежде всего, родине нужна правда.

Роман Алексея Толстого дает характеристическое зарождение этого Петра. Бунт стрельцов, убийство Матвеева — это вырастают из детства. Это Петр — молодой волчонок, пробующий зубы на потешных. Петр, идущий задом к власти. Петр, соперничающий Софьи. И, наконец, «Бом Бар Дир Пигер», «царь-плотник», странный для своих, исполинский для иностранцев. Толстой — искусный художник. Тенденция выше не дает ему грубить. Он мог бы смело повторить за Андре Жидом, что «ничего нет в искусстве, чего бы нельзя было положить средствами самого искусства». И психология складывания характера Петра постепенно «переходит» в идеологическую линию романа.

Толстой рисует Петра растущим в соприкосновении двух миров: беспечной, неповоротливой Руси, в толщой, веселой «Европы», представленной в деревенской стадии Немецкой слободой — Кукуем. Еще при отце Петра Алексее Михайловичо (на ту эпоху марксистская наука относит «петровский» переход), повелением широкую торговлю с Англом, эта слобода процвела, разрослась, укрепилась. Порядки и весь быт этого «иностранного сословия» разительнее контрастировали с глухой, сградной, азиатской жизнью тогдашней России. На этом контрасте Толстой строит воспитание Петра. Здесь скука, тягучие обедни, матушкин кадзер, надоевшие сестры и боло, тухлая жизнь. Там «мамзиная немецкая», забава, «гоева, прелесть». Это создавало необычайную остроту.

Любил Петр подносить в злую «шутку» своим собутыльникам «ерша». Это русский «коктейль» XVII века, чудовищная смесь мужичьей сивухи и немецкого пива, от которой люди валились с ног. Такого идеологического «ерша» подносила ему история. В разности температур двух миров — вот в чем видит Толстой психологическое объяснение лихорадочных черт в характере Петра, его дерзким желваком на скулах, его ястребиному бешенству и беспредельному устранению не только интересов, но и жизней отдельных человеческих личностей с дороги его замыслов. И Толстой делает все, чтобы подчеркнуть разрыв между этими двумя мирами:

«За окнами шумел сотер, лета через шесть варет, — равнины, глушь, болотные, — все это как волнение, пробуждающий ярость на потешных. Петр, идущий задом к власти. Петр, соперничающий Софьи. И, наконец, «Бом Бар Дир Пигер», «царь-плотник», странный для своих, исполинский для иностранцев. Толстой — искусный художник. Тенденция выше не дает ему грубить. Он мог бы смело повторить за Андре Жидом, что «ничего нет в искусстве, чего бы нельзя было положить средствами самого искусства». И психология складывания характера Петра постепенно «переходит» в идеологическую линию романа.

Толстой рисует Петра растущим в соприкосновении двух миров: беспечной, неповоротливой Руси, в толщой, веселой «Европы», представленной в деревенской стадии Немецкой слободой — Кукуем. Еще при отце Петра Алексее Михайловичо (на ту эпоху марксистская наука относит «петровский» переход), повелением широкую торговлю с Англом, эта слобода процвела, разрослась, укрепилась. Порядки и весь быт этого «иностранного сословия» разительнее контрастировали с глухой, сградной, азиатской жизнью тогдашней России. На этом контрасте Толстой строит воспитание Петра. Здесь скука, тягучие обедни, матушкин кадзер, надоевшие сестры и боло, тухлая жизнь. Там «мамзиная немецкая», забава, «гоева, прелесть». Это создавало необычайную остроту.

Любил Петр подносить в злую «шутку» своим собутыльникам «ерша». Это русский «коктейль» XVII века, чудовищная смесь мужичьей сивухи и немецкого пива, от которой люди валились с ног. Такого идеологического «ерша» подносила ему история. В разности температур двух миров — вот в чем видит Толстой психологическое объяснение лихорадочных черт в характере Петра, его дерзким желваком на скулах, его ястребиному бешенству и беспредельному устранению не только интересов, но и жизней отдельных человеческих личностей с дороги его замыслов. И Толстой делает все, чтобы подчеркнуть разрыв между этими двумя мирами:

«За окнами шумел сотер, лета через шесть варет, — равнины, глушь, болота, — слышь где-нибудь задерет сонному в курной избе, позвонит пьяного мужика и сугроб — скользнет от бездонья, да зазвонит мерзлым колоколом на полсонцейка полсолнце...»

«А здесь вальхмачены окна, красным заяца, лоскутом стриженые под горшок головы, дым валит из длинных трубок, трещат свечи». А здесь всякие предрение иностранцев в дикой стране, здесь чаепитие, усыпание пеплом дворики, занавески на окнах, добродушные коллежские советники, уважение, науки, политесы, и, наконец, щемящие сердце, «прельстительные юбочки Анхен», розовые со открытые плечи...

И этой жаждой «познать хоть крупицу полезной пыли, окутывающей заокеанские страны», Толстой завлекает Петра. И когда деятельный, кипящий Петр возмущается в своей стране, то уже не враг обиды или зависти, не стон отсталости, замотанного татарским игом, дикого русского властелина прорывается у него, в скрежет, напряженные лютой боли, готовой зубами хватать «неповоротное быдло». «Какими силами расшевелить людей, прогреть им глаза»... «Злоба на своих, русских, и зависть к самодовольным чужим, — распустить вольные паруса, пенькнут домой в дальние страны...» — схватывала сердце Петра.

И вот Толстой открывает его «лях», повернутый к своим, к России. Это ненависть. Ненависть и месть.

«Сидят на стариз,—жалко стонала... Земля» за тысячу лет пахать не вымахалась... Отсего сие? — Поганы, Александка, вернусь, — дух из Москвы вышибу...

— Только так и можно...

— Указ, что-ли, какой-нибудь дать странный? Перевешать, перепороть... Но кого, кого? Враг — поэтому, враг — в нем самом».

Конечно, Толстой не ограничивается только этим «культурно-психологическим» объяснением деятельности Петра. Напротив, достоинство романа в его реализме. Купцы, торговля, пути сообщения — все это Толстой стремится дать как полосовую явлений. Но все эти вставки и отдельные верные картины (напр., участие купечества в Азовском походе), к сожалению, не идут дальше «прологемы» еще Ключевским или Платоновым путей и перерываются в целом общим ложным построением.

В общем, верный исторической правде Толстой отступает от нее, когда надо уверить идейную перспективу романа. И вот, естественно, у Толстого Петр оказывается большим «западником», чем даже был на самом деле. Он говорит у Толстого:

— Лучше быть подмастерьем в Голландии, чем царем в России.

Мы знаем целый ряд исторических свидетельств о гораздо более «трезвом» отношении Петра к Западу. «Европа нужна нам еще несколько десятков лет, а потом мы можем повернуться к ней задом», — говорит Петр, — «а спрячем и Варяж возьмет». — подмигивал он приближенным.

У Толстого мещанские блага цивилизованного Запада всюду даны в приятных, дразнящих тонах. И всюду, где возможно, подчеркнуто, что «наши дворяне — мужичье сиволапое. — спят, жрут, да молятся...» «что на звериному ... страна (недаром «звериный» — любимый эпитет романа). Даже на приемах в Европе у своих приближенных Петр приказывал на всякий случай зашивать карманы — сопрут какую ценную мелочь, осрамят Расею. В чем смысл в выдвигании наперед этой «культурно-бытовой» антиноги?

Повторяемость или длительность некоторых исторических ситуаций не может не вызывать удивлений. Сто лет назад Стендаль (в «Пармской обители») иронизировал так же, как сегодня какая-нибудь французская газета о толпах праздных туристов-англичан, заполняющих летом Париж. Больше двухсот лет назад Лейбниц писал в письмах Петру, что Россия не должна догонять Европу, повторять на своем пути всех форм, пройденных Европой (мысль, потом подхвачена Герценом). Ситуация — «Восток и Запад», одна из тех, чье «постоянство» обязо с тоску не мало годов. Когда Алексей Толстой выходит за рамки Петровской психологии, она превращается, как мы видим, в общую концепцию романа, развертывание в духе обычных либерально-[illegible] ских, буржуазных представлений.

Толстой далек от «традиционного» изображения личности Петра. Это не Пушкин: «Выходит Петр. Его лицо сияет. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен. Он весь, как бодрая гроза». Петр Алексея Толстого — это вершина с вольными пятнами сидящий под ледяной, в узорчатой шубе, заражающий опасной смесью хищного величества и детской [illegible]. Историки-марксисты (например, М. Н. Покровский) изображали Петра в гораздо более «разоблачительных» тонах (не без тактического умысла перевести ключевско-соловьевскую линию), подчеркивая его номерическое [illegible], сифилитическую разнузданность и т. д. Но опять, как спор Толстой от Петра переходит на почву более широких исторических обобщений, он идет мимо марксистской исторической науки, и не только мимо Покровского, но и мимо Павлова-Сильванского. Создром единственной исторической фабрика, описанная в романе, это обычный завод Льва Кирилловича в Туле с рабочими из крепостных и крестьяне (помним его Мельхиор).

Можно сказать так: Толстой изображает Петра во многом, как он унаследил Алексею (пополнив, [illegible] великим иноземцем), а (Алексея) старую Русь, [illegible] в глазах у замахнувшегося в будущее Петра. Так и можно себе представить небольшой каламбур, заглавный в заглавия статьи. Разрыв двух миров (Азия и Европы) остается в романе внутренне философски [illegible] преодоленным и не объясненным. Он описывает, как судьба, [illegible] тема — вопрос, как бы обращенный к нам, к сегодняшним дням, к самому автору. Как же он делает это? В [illegible] не мы находим [illegible] строчных так, чтобы [illegible] симметричные доты у нас. Мы явственно найдем в романе [illegible] ворота объяснений историческим событиям [illegible] сегодняшних дней в [illegible] ано-

ПОКАЗАТЬ ЛУЧШИХ УДАРНИКОВ СТРАНЫ СОВЕТОВ

ОБЕСПЕЧИМ НОВОМУ ПОПОЛНЕНИЮ ПРОЛЕТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЛЯ ТВОРЧЕСКОЙ И ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ УЧЕБЫ

ЧЕГО МЫ ЖДЕМ от ОГИЗ и РАПП

ВСТРЕЧНЫЙ ПРОМФИНПЛАН СМОЛЕНСКИХ ЛИТУДАРНИКОВ

Группа смоленских рабочих-ударников, призванных в литературу, курсанты курсов по подготовке руководителей литературных кружков обратились с письмом к заведующему ОГИЗ тов. АРТ. ХАЛАТОВУ и в секретариат РАПП и тов. Л. АВЕРБАХУ.

Авторы письма, которое мы печатаем ниже, поднимают ряд вопросов, имеющих огромное значение для успешного проведения призыва ударников в литературу.

ЗОАПП насчитывает сейчас вместе с 5 кружками ВОКП до 30 литературных кружков, не считая военных кружков, охватывающих 400 рабочих-ударников и 50 совхозников и колхозников. Работники-ударниками пишется по области до 20 книг об опыте предприятий, за них в одной Бежице 10 книг, 2 книги клинцовских рабочих и рабочего-выдвиженца тов. **Фейгина** уже сданы в печать, в ближайшее время сдаются и печать книги тт.: **Фынина, Зюмана и Маркина** в Бежице.

В журнале «Выдвиженец» ведется специальный отдел «Записки ударника». Темпы роста призыва чрезвычайно велики. Так, литгруппа завода «Красный Профинтерн» из 30 человек в августе 1931 г. превратилась в ассоциацию «Красный Профинтерн», число кружковцев в которой достигает 180—200 чел.

Такой колоссальный размах литературного движения требует улучшенного руководства им, систематического закрепления, серьезной учебы. Между тем в местные организации и областные недостаточно руководят нашей повседневной работой. ЗОАПП еще не поспевает за запросами призыва, остальные организации не уделяют ему никакого внимания, а иногда даже ставят бюрократические рогатки. Это выразилось, например, в возмутительном отношении со стороны облпрофсовета, союза рабпрос и горсовета к курсам руководителей литкружков (оставление части курсантов без общежития, «вымерзывание» курсантов из занятого ими помещения, отказ обеспечить им зарплату и т. д.). Это выразилось также в ряде случаев прямого отказа профорганизаций работать по призыву.

Чрезвычайно плохо обстоит дело с руководством учебой. Критической литературы в помощь писателю почти нет, за исключением двух книжек **Селивановского, Суркова** и др.

Журнал «Литературная учеба» в настоящем своем виде не может помочь ударнику, приходящему в литературу, так как он слишком труден, не имеет определенной целевой установки, неизвестно, на кого рассчитан, изобилует теоретическими вопросами литучебы. «Литературная газета» тоже мало помогает ударнику. В журналах «Резец» и «Рост» **более подходящих по своему содержанию**, слабо поставлены отделы критики и консультации. **Мы считаем, что необходимо коренным образом перестроить «Литературную учебу»**, больше разрабатывать вопросы критики и больше осветить опыт призыва в других наших журналах и в «Литературной газете». Нужно своевременно выпускать специальную популярную памятку ударника, состоящую из наиболее важных вопросов литучебы.

Необходимо также, чтобы ЗОАПП и ЗОКП **оказывали прямую помощь каждому кружку**. Это нельзя, конечно, не сказано прямо, но это было понимало так, что организации занимались сами собой. Эти «заявления» не надо лежать в ящиках канцелярских. Центр шлет обязать в «Литературную газету», страшному начальнику разбойного приказа Ромашову и Лубнину, Центр принуждает [illegible] на постройку Беломорско-Балтийского канала, Центр выполняет великие планы пятилетки и т. д. Алексей Толстой достаточно художественно талантлив, чтобы быть застрахованным от полного «обезвреживания» таких заданий. Нет дело службе. Дело, по Толстому, в странной симметрии наших времен, где снова звучит лозунг — догнать и перегнать.

И розовы как бы доносят слова затворника Петра. Он дик и страшен. От пыли Азии, державшей выпрямиться наше Европы. Темной жестокостью сверкает его глаза. Но он держит в руках орудия труда. Его путь вперед. Через жестокости, через безумные жертвы его путь все же оправдан, ибо как впереди, куда ведет он—«вперед, милая жалость».

Так и заканчивается последняя страница. Тысячи трупов стрельцов пятнают на московских стенах. «Кончалась византийская Русь. В мартовском ветре чудились за балтийским побережьем призраки торговых кораблей». Правда, конечно, Толстой не делает прямых «сопоставлений». Но зато, посмотрите, какая любопытная симметрия получается между формой «прыжка» Толстым Петра и сановниковским прыжком социалистической революции. Ведь сановниковцы «принимали» революцию через «симметрию большевиков», несмотря на жестокости революции и прочее в виду грядущего «карадиаза». Правда, как впоследствии разъяснила революция же, речь шла о разных парадизах. И мы поймем теперь роль в романе «заграничного такого», перечеркнутых линий с позиций «большевиков» Петра и т. д. Это есть философская форма нового своеобразного «сосуществования» Петра через историческую концепцию Запада и Востока, ищущим во встречном кипении нового уровня человеческой культуры. И эта книга, идущая от автора, «от Алексея», — является действительным этого замечательного романа.

Он написан с подъемом и блеском. Но лишно он чуждо нам. В нем Толстой художественно пытается «доказать» то, что не было доказано его классом на протяжении всей русской истории XIX века и его смеховеховскими идеологами уже после Октября. Отсюда в романе и ненависть, и любовь к России. Он заражает и «великодержавными» настроениями (например, в картине осады Азова). И вместе с тем он написан заядлым (причем заядлым русским), который сочувственно смотрит на это варварское зрелище, как Петр «вельможит Россию», потому что Россия эта дика сама, жить в ней все равно так нельзя: нельзя и... вообще «так бы и сжег ее»...

«Нечаянно в пространствах, нечаянно,
Россия. Россия, мои»...

«Набег торгового капитализма» по «строгому определению» М. Н. Покровского петровой эпохи на дикую деревню Россия начала XVIII века. Внешне, в бытовых формах он, может быть, недалеко отличался от набегов татар. Кажется, этот «варварский» набег, любы, и вот гуманных пресыщенного европейца Толстой кольнет нас всем этим, как светом философии и морали:

— Тогда ночью Лефорт сказал ему: «Русская страна страшная, Петер... Ее, как шубу,—вывернуть, строить заново.

Эту мысль хотел бы автор оставить звучать в ушах своих читателей.

Да, строить заново. Но уже не как «Россию», а как страну социализма, великий колхоз народов. А что касается «страха», то это от лукавого: того класса, который берется за великое оружие диалектики.

К. ЗЕЛИНСКИЙ.

ДЕЛО ЧЕСТИ

Мы говорим о перестройке РАПП. То, что рапповская организация перестраивается в соответствии с огромными задачами социалистического строительства, бесспорно. Но также несомненно и то, что темпы перестройки еще недостаточно удовлетворительны. Элементы литературщины в жизни организаций, непонимание ими полчаса новых задач и методов работы, отрыв отдельных литкружков и целых ассоциаций от конкретных вопросов практики социалистического строительства, все это — то мертвое, что мешает осуществлению решений руководящих органов РАПП.

Перестройка работы возможна лишь в процессе самой работы. Новое содержание и новые методы могут быть проведены лишь в практике конкретного, живого дела.

Одним из крупнейших недостатков прошлого в жизни РАПП является общность, отвлеченность руководства.

Именно поэтому последний пленум РАПП решительно поставил задачи большей конкретности в руководстве литературным движением.

Сегодня мы хотим предложить всем ассоциациям, всем литкружкам, объединяемым нашей организацией, одну вполне конкретную задачу. Разрешение этой задачи будет иметь большое значение во всем деле социалистического строительства. Работа над ней сыграет не малую роль в ускорении темпов перестройки РАПП.

Мы предлагаем писателям-профессионалам, мы предлагаем рабочим-ударникам, вошедшим в литературу, показать в своих книгах и очерках лучших рабочих, инженеров, советских администраторов, выделившихся своей исключительной преданностью делу революции, давших образцы героизма в борьбе за нее. Мы предлагаем показать тех, кто удостоился высшего отличия пролетарской диктатуры — награждения орденами Ленина и Красного трудового знамени.

Ленин придавал огромное значение гласности в социалистическом соревновании, показу лучшего опыта, показу героев соревнования. Ленин говорил о величайшем значении силы примера в условиях социалистического общества. Ведь лучшие это — то, чему кому должны равняться остальные. Передовик это — тот, который показывает образцы нового коммунистического отношения к труду, дает его более высокую производительность.

«Имена лучших рабочих, лучших специалистов, лучших хозяйственников, агрономов, названия заводов и шахт, лучших совхозов и колхозов должны стать известны всей стране», — сказала XVI конференция ВКП(б).

Бешеный поток клеветы буржуазии по адресу Советского союза, их выступления о якобы принудительном труде у нас в СССР не может скрыть их бессилия, их просто перед тем фактом, что в условиях пролетарской диктатуры создается совершенно новые трудовые отношения, невозможные ни при каком ином социальном строе, дающие высшую производительность труда, возможность развития всех производительных сил общества в интересах всего общества.

Силой подъема производительности труда, вместо конкуренции и эксплоатации, становится соревнование. Оно помогает раскрываться тем творческим силам, которых так много в рабочем классе, в массе трудящихся.

Мы одерживаем исключительные победы в осуществлении лозунга рабочего класса «Пятилетка — в четыре года». Они стали возможны в результате развития социалистического соревнования. В нем же неисчерпаемые источники новых успехов, новых достижений.

Какое еще большее ускорение всего дела социалистического строительства может произойти в результате более быстрого, чем сейчас, переносения опыта лучшей работы по все предприятия Советского союза. Какие огромные дополнительные ресурсы мы получим, если добьемся более быстрого подтягивания отстающих к передовым, лучшим. Сколько новых сил даст нам более решительное выявление лучшей инициативы, более быстрая реализация ее в практике нашей работы. И какую огромную роль может и должна сыграть здесь печать.

Исключительно благодарная задача для пролетарского писателя, для работого-ударника, борющегося за промфинплан, отметить крупицы инициативы, разбросанной на фабриках и заводах, подхватить лучшие начинания, воспеть передовиков героев. Причем описать, отметить так, чтобы заинтересовать, увлечь, научить своими книжками, своими очерками миллионы.

В буднях социалистического строительства — героизм нашей эпохи. Нужно видеть его в рационализаторских предложениях рабочей массы, в организационно-общественной работе по созданию бюсиров, встречного промфинплана, в том походе за овладение техникой, который развертывается в широкое движение всего рабочего класса нашей страны. Пусть пролетарский писатель покажет все это художественно, ярко, правдиво. Такая работа не может не дать своих огромных результатов. Она реально поможет партии и рабочему классу в их борьбе.

Фабрики, заводы, шахты выдвигали своих кандидатов на премирование. Списки лучших из этих кандидатов, тех, кто ЦИК Союза награжден орденами, были опубликованы в печати. Пусть же о каждом таком ударнике будет написана книга, где было бы показано, что выдвинуло товарища в число лучших и передовых. Каждая ассоциация может и должна знать таких передовых ударников на предприятиях своей области, своего района. Эти ударники широко известны рабочим их фабрик и заводов. Так пусть же рабочие литкружки, правления ассоциаций возьмутся, как за свое кровное дело, за создание книжки об этих ударниках. В этой работе глубочайшим образом заинтересованы и партийные, и комсомольские, и профсоюзные организации. Они должны обеспечить помощь в этой работе.

В книгах о лучших ударниках последние должны быть показаны возможно полнее. Нам нужно видеть ударника на производстве, в общественных организациях, в быту. Уже доказано, что ударное движение, родившееся на наших фабриках и заводах, переносится психологию работого, отражается в общественной жизни, в быту, вносит в него новое, ломая старые отношения между людьми. И в жизни лучших ударников мы видим не только образцы исключительного отношения к труду, отношения нового, коммунистического, но и новое в его семейной жизни, в его отношении к коллективу, к товарищам по работе.

Мы считаем, что работа ассоциаций и рабочих литкружков должна быть поставлена на началах социалистического соревнования. Вся общественность должна знать о том, как работает пролетарская литература над поставленной задачей, как она с нею справляется. Мы предлагаем освещать на страницах «Литературной газеты» ту практическую работу, какую будут вести ассоциации по составлению указанных книжек. Как к этой задаче они подошли, как работают литкружки, кто прикреплен к ним для помощи, как эти прикрепленные работают, каковы успехи и трудности в процессе работы. Соревнуясь в выполнении указанной задачи, кружки покажут каждый себя. Мы увидим лучших, мы увидим весь фронт нашего движения.

Поставленная задача — задача исключительно благодарная для всей армии пролетарских писателей, для всех организаций пролетарского литературного движения. Она вместе с тем — их обязанность, дело их пролетарской чести в социалистическом строительстве.

А. ВИГАЛОК

ОГИЗ ОТВЕЧАЕТ

Среди вопросов, поднятых в письме смоленских ударников, имеется ряд конкретных предложений к ОГИЗ, который принял соответствующие решения по оказанию помощи литударникам.

***

ОГИЗ ассигновал 20.000 рублей на организацию общего литературного «Кабинета ударника-писателя и читателя».

***

Политсектору отдано распоряжение в срочном порядке скомплектовать 15 библиотечек руководителя литературного кружка». Эти библиотечки составлены из следующих книг:

Книга рабочих ударников, изданные ВЦСПС.

Критическая библиотечка «По литературным и культурным вопросам».

Л. Авербах — «Перестраиваемся».

М. Юдин — «Литературный кружок на производстве».

Программа РАПП для низовых литкружков (в виде статьи).

Письмо секретариата РАПП «О развертывании творческой дискуссии в РАПП.

«С кем и почему мы боремся». Сборник под редакцией Л. Авербаха.

«Творческие пути пролетарской литературы» сб. I и II.

«За генеральную линию РАПП», сборник.

Ф. Панферов — «Бруски» (ч. 1 и 2).

Д. Бедный — Собрание сочинений в 1 томе.

Д. Бедный — «Слезай с печки».

Б. Ильенков — Рассказы («Аноха» и др.).

А. Фадеев — «Разгром».

В. Маяковский — Избранные стихотворения.

А. Безыменский — «Трагедийная ночь».

А. Безыменский — «Выстрел».

Л. Овалов — «Полтолина».

Ю. Либединский — «Неделя».

В. Кирпичев — «Хлеб».

Против меньшевизма в литературоведении. — Сборник.

***

ОГИЗ обратил внимание редакции журнала «Литературная учеба» на необходимость перестроить содержание журнала в целях оказания действительной помощи рабочему-ударнику, призванному в литературу.

ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ВЦСПС

1. В целях показа лучших образцов труда и поощрения примерной работы на социалистических предприятиях предложить издательству ВЦСПС совместно с профсоюзными организациями приступить к изданию специальной серии брошюр и книг — «Герои ленинского и трудового знамени».

2. Выявление и передача опыта работы героев социалистического труда — обязанность профессиональных организаций.

Вся работа по составлению указанной серии должна быть поставлена на широких общественных началах. К составлению книг должны быть привлечены в качестве авторов рабочие-ударники и лучшие силы из рядов пролетарских писателей.

Книжки о героях труда должны обсуждаться на рабочих собраниях и профсоюзных организациях.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЦСПС

Надо ВЦСПС просит фабрично-заводские организации, рабочие литкружки и отдельных пролетарских писателей все свои предложения и запросы, в связи с указанной серией книг, направлять в издво ВЦСПС (Москва, Дворец труда, комн. № 256).

Издво сообщает, что по постановлению секретариата ВЦСПС из премиального фонда выделены специальные суммы для премирования авторов лучших книг. Секретариат же утверждена специальная редакция серии.

Надо обратилось в секретариат РАПП с просьбой организовать работу лесоинщиков и литкружков по составлению указанной серии, а также выделить своих представителей в ее редакционную коллегию.

НА КОНФЕРЕНЦИИ ЛЕНИНГРАДСКО-БАЛТИЙСКОГО ЛОКАФ

Конференция ленбалтЛОКАФ длилась четыре дня и являлась центром внимания литературного Ленинграда.

В общеполитическом докладе т. **Гринберг**, комиссар военного стрелкового корпуса, таким образом сформулировал очередные задачи ЛОКАФ.

— Советская литература должна разоблачать «Тайну рождения войны», должна противостоять клеветнической, пацифистской литературе буржуазии четкую и правдивую классовую сущность задач вооруженного рабочего класса и его армии.

Развернутая программная речь тов. **Дегтярева** была основана на практике полугодовой работы ЛОКАФ. Тов. Дегтярев указал, что советская художественная литература еще не полно и не совершенно ставит и разрешает вопросы военной политики.

— **Писателей ЛОКАФ объединяет общая тематика.** К сожалению, многие писатели до сих пор не понимают, что военная тематика—это очень большой круг тем. Материалы творческой мобилизации ЛОКАФ, опубликованные в «Литературной газете», показали, например, что большинство писателей заморожено писать о гражданской войне, только 5 писателей пишут о Красной армии сегодняшнего дня и ноль книг о войне будущего — фантастический роман. Борьба против капиталистических войн, мобилизация общественного мнения нашей страны и всего мира против интервенции, овладение военной техникой и т. д. и т. д.—все эти темы не входят в суженный круг военной тематики.

***

Как известно, в свое время знаменитая часть руководства ленбалтЛОКАФ допустила ошибку политическую ошибку, вошла в «Лиффронт» и вступила затем в литературно-политическую борьбу с ленинградским руководством РАПП. Руководители ленбалтЛОКАФ бывшие «лиффронтовцы»—тт. **Свирин, Либерман** (выступавший с большим докладом о работе ленбалторганизации) и **Дмитриев**, признали и решительно осудили свои ошибки.

Конференция закончилась докладом т. **Мезер** о творчестве красноармейских и краснофлотских писателей.

***

На конференции вступили в ряды ЛОКАФ **Алексей Толстой** и другие советские писатели. Конференция ЛОКАФ явилась политической демонстрацией активности советских писателей социалистическому строительству. Этим усугубляется и ошибка ленинградских газет, почти не освещавших работу конференции.

Исключение составляет «Красная звезда» — орган РВС ЛВО.

Ленинград. Б. РЖИТ.

ПРОРЫВ в ГИХЛ

Найти конкретных виновников срыва промфинплана.
За прорыв ответственно прежде всего правление издательства
Возьмем под строгий контроль общественности работу ГИХЛ

НА ЛИКВИДАЦИЮ ПРОРЫВА

Реорганизация издательского дела, начатая по постановлению Совнаркома РСФСР осенью прошлого года, протекала в условиях обостренного бумажного кризиса и уже наметившейся к тому времени опасности недовыполнения издательских планов.

Реорганизационный период, затянувшийся вследствие необходимости объединения портфелей различных издательств, особенно неблагоприятно отразился на работе ГИХЛ. Кроме издательства ЗИФ, ГИХЛ должен был включить в свой состав литхудотдела Гиза, «Московского рабочего», «Пролетария», «Прибоя» Ленинграда. Технопечать, тщательно проверять состояние портфелей этих издательств, очень многое забраковать, заново организовать редакционно-издательский аппарат, начать издание двух десятков новых журналов.

Эта огромная организационная работа продолжалась до 15 февраля. Только к этому сроку была окончательно сформирован портфель периодических изданий, установлен аппарат ГИХЛ (кстати, сильно урезанный в сравнении с потребностью) и составлен **промфинплан, механически отразивший полное отсутствие практической работы** в течение половины 1 квартала т. г.

Положение, создавшееся к средине февраля, должно было бы мобилизовать весь аппарат ГИХЛ на борьбу с прорывом, особенно опасным в отношении периодических изданий. Этого, однако, не произошло.

За очень небольшими исключениями, аппараты редакций журналов не проявили необходимой активности и систематически опаздывали со сдачей материала в набор. Это явление, недопустимое само по себе, служило оправданием для типографий, работа которых поставлена в этом году из рук вон плохо. В результате, к средине марта не вышли многие из январских журналов, что дает все основания говорить о глубоком прорыве в издательстве.

Не лучше обстоит дело и с книгой. Если в отношении переходки некоторая доля ответственности падает на редакции журналов, то в отношении книги вся вина лежит на предприятиях Управления полиграфической промышленности ОГИЗ и на Производственном секторе издательства.

В то время, как в типографиях лежит двухмесячный запас готовых к печати рукописей, выполнение плана в феврале было равно 15 проц. Мрачную картину дополняет Книгоцентр, который уже изготовленную продукцию не вывозит из типографии по месяцам.

Все это привело к острому дефициту художественной литературы, к отставанию на этом важнейшем идеологическом участке; темпы переходки выявляет десятки тысяч жалоб подписчиков, а задолжество стоит перед серьезными хозяйственно-финансовыми затруднениями.

Для ликвидации прорыва в издательстве создан штаб из представителей правления, ячейки ВКП(б) и месткома. Но штаб и весь коллектив ГИХЛ не смогут ликвидировать прорыва без активной помощи партии, и в частности, писательской общественности.

Штаб ГИХЛ обращается к общественности ОГИЗ, Книгоцентра, типографий, УПП и ко всей писательской массе, повседневно связанной с аппаратом ГИХЛ, с призывом содействовать улучшению его работы и со своей стороны точно выполнять свои обязательства по отношению к издательству.

Удлинением работы всех организаций, изготовляющих и распространяющих книгу, активной помощью писателей мы добьемся ликвидации прорыва и обеспечим книге то место в социалистической стройке, которое ей должно принадлежать.

Штаб ГИХЛ по ликвидации прорыва.

ОБЩЕСТВЕННОСТЬ МОБИЛИЗУЕТСЯ

ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ БРИГАДА „ЛИТГАЗЕТЫ"

8 марта в ГИХЛ для ликвидации прорыва в промфинплане издательства был создан штаб в составе тт. **Свистунова** (председатель), **Бэранова** и **Лотова**. На другой день штаб выпустил № 1 бюллетеня «За ударные темпы» под редакцией **М. Юрина**.

***

Штаб ГИХЛ мобилизовал актив сотрудников для участия в работе по ликвидации прорыва. 10 бригад начали обследование работы аппарата ГИХЛ и типографий.

Штаб по ликвидации прорыва поставил своей задачей ликвидировать прорывы и выполнить на сто процентов мартовский план.

***

Глубокий прорыв, образовавшийся в ГИХЛ, объясняется также и срывом плановых заметок по выпуску продукции полиграфбазы ОГИЗ, и в первую очередь полиграфпредприятиями Мосполиграфа. Отсутствие плановости в работе типографий, привело к тому, что при наличии в типографиях на 1 марта 17 миллионов листов оттисков отпечатанной продукции ГИХЛ выпуск книг типографиями чрезвычайно незначителен.

***

«Литературная газета» организовала бригаду по обследованию работы всех отделов ГИХЛ и помощи штабу ГИХЛ по ликвидации прорыва. В бригаду вошли тт. **Л. Никулин, Е. Габрилович, Бубен** (завод «Серп и молот», член рабочего редсовета ГИХЛ), **А. Крупнов**, («Литгазета») и представитель МАПП. Бригада приступила к работе.

***

В связи с прорывом, общее собрание работников ГИХЛ постановило создать при издательстве товарищеский суд и предавать ему всех виновных в срыве промфинплана издательства.

***

Сегодня выходит № 2 бюллетеня штаба по ликвидации прорыва. В нем помещены подробные отчеты о проделанной бригадами работе.

Надо отметить, что писательская общественность принимает недостаточное участие в ликвидации прорыва в ГИХЛ.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД И ЛИТЕРАТУРА

Институт ЛИЛИ Коммакадемии в ответ на клеветническую кампанию о «принудительном труде» в СССР поставил 11 марта транслировавшаяся по радио доклады тт. И. Анисимова и С. Динакова «Лицо капиталистического рабства в отражении буржуазной литературы».

— Они не хотят показывать нам, что делается в их «цивилизованном» обществе,—говорит т. А. В. Луначарский в своем вступительном слове,—заставим же рассказать нам об этом буржуазную литературу.

— Литература очень ярко отражает подлинную действительность буржуазного общества,—отмечает т. Анисимов в своем докладе и цитирует отрывки таких архибуржуазных писателей и идеологов империализма, как Пьер Ами, Жорж Лефевр, Поль Моран и других.

Несмотря на стремление оправдать капиталистическую систему, Пьер Ами в своих производственных романах показывает жестокую эксплоатацию пролетариата и подчинный как капиталистического рабства.

В своем докладе т. Динамов говорит о пролетарской литературе Японии, разоблачающей японский фашизм, рабство на лесных работах, торговлю девушками. Но буржуазная пресса замалчивает такие романы, как «Кровавый документ» Тораэ Хояси и др. Им слишком невыгодно говорить об этих вещах.

Переходя к литературе Америки, т. Динамов рассказывает о исследовании петров в этой «цивилизованной» стране и приводит большой литературный материал из негритянской литературы.

— Буржуазия делает все возможное, чтобы уничтожить революционную пролетарскую литературу,—говорит т. Динамов,—и лучшие умы, наиболее талантливые люди, вливаясь в этих тяжелых тисках, обращаются к нам, единственной стране, где строится социализм, где рабочие не рабы, а хозяева.

Л. ЕЛИНА

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕКРОЛОГ

(Н. Н. СУХАНОВ)

Врачи с абсолютной точностью могут установить физическую смерть.

Прекращается жизнедеятельность сердца, зрачок не реагирует на свет, появляются трупные пятна, — это и есть смерть. Но смерть политическая не сопровождается этими общеизвестными признаками: сердце работает, желудок тоже, нервная система в относительном порядке, но человек мертв, политически мертв, безнадежно мертв. Это не летаргия, не временное омертвение, а смерть,—в смысле политическом мы имеем дело с конченым человеком. Он может по разному принимать свое положение: писать покаянные письма в редакцию, мемуары, вести переписку с друзьями (шифровацию и простую), издавать бюллетени в количестве ста экземпляров, но это будет искусственная жизнь, жизнь гальванизируемой лягушки, отрезанной собачьей головы в лаборатории физиолога. Я думаю, что все эти соображения имеют непосредственное отношение к людям, превратившимся в политических мертвецов на протяжении последних лет. Но среди 14 осужденных меньшевиков есть человек, который менее всего может примириться с обыкновенным, обывательским, растительным существованием. Н. Н. Суханов—один из наиболее юных меньшевиков в смысле партийного меньшевистского стажа. Эсеры, если бы они существовали как партия, могли бы его зачислить в категорию так называемых «мартовских» эсеров. Сравнительно юный стаж и отсутствие меньшевистских партийных реталий ставили Николая Николаевича Суханова в несколько двусмысленное и щекотливое положение. И, может быть, именно это обстоятельство определило всю гастрольную, премьерную линию и амплуа Суханова во всей его политической карьере. Шульгин, монархический черносотенец, юго-западный зубр в своей книге грубо говорит о нем, как о человеке с внешностью провинциального кулешиста. У самого Шульгина была внешность уездного благородного собрания. Но дело не во внешности, а в том, что Н. Н. Суханов действительно стремился к гастрольной позиции, работе вне «ансамбля, так сказать, большим номером. В своей политической жизни он выпускал себе особый род солистки, полетку «контакта». В семнадцатом году он пробовал контактировать большевиков и меньшевиков. Несколько дней он числился кандидатом в министры без портфеля. Через двенадцать лет он налаживал контакт меньшевиков с Леонидом Рамзиным.

«Есть контакт? «Есть». как выражается женщина. Да, это был любопытный и странный человек. Еще не кончилась гражданская война, Врангель и Пилсудский делали последние усилия, пробуя задавить революцию, а Суханов успел уже выпустить первый том своих мемуаров. Его сумел опередить только профессор Павел Николаевич Милюков «Историей русской революции». Было очень суровое время. Политредактором Главлита за отсутствием времени недостаточно вникали в произведение Суханова. Но даже тогда, в сумятице фронтовых и тыловых забот, некоторые люди отвели должное место мемуарам Суханова. Не такой это был человек, чтобы перемудрить и подумать над своей ролью в 1917 году. Что такое самовлюбленность? Что такое поза первого любовника (первого «галанта», так он назывался в театре Гольдони). Все это вы узнаете из воспоминаний Суханова. Десять, сто имен, среди них есть имена людей, на вечные времена вписанные в историю человечества, есть имена умерших за революцию, но над всеми над семьюстами томами сияет одно лучистое имя, играет один ум, парит один, не знающий ошибок, гений — Н. Н. Суханов. Трудно писать мемуары. Кто только не изобличил себя в мемуарах? Л. Д. Троцкий «литератор и теоретик», легче и свободнее Суханова владеющий пером и стилем, обнаружил алчность и самовлюбленность в книге «Моя жизнь». И потому критика этой книги, написанная даже твердолобым на твердолобых Уистоном Черчилем, убийственна для автора «Моей жизни».

Был 1919 год. Н. Н. Суханов диктовал страницу за страницей манифесты и в свободное время посещал театры, обличал и пророчествовал. Он принадлежал к РСДРП, об этом все знали. Когда Деникин подходил к Орлу, Н. Н. Суханов в панике заседает об Учредительном собрании. «Крокодиловые большевики, якобинцы терзали Суханова, некоторые из них даже спорили с Сухановым, мысленно налаживавшим контакт между учредилками и кадетами, волжанами, генералом Жилинским, Черчилем. «Теоретик и литератор открыто и непринужденно проповедовал меньшевизм в то время, когда бывшие не брали пленных и мечтали укрепить, деревня Петроградка и пригородных парков теплая клетка партии и рабочих. Пленных красноармейцев ставили под пулеметы и комиссары «комиссары и коммунисты, выходи, а в обоих, в дальнем тылу у белых на всякий случай имелись генерал Гарин и прекраснодушные учредилки. Оказывается автор этих строк присутствовал при полемической стычке покойной Ларисы Михайловны Рейснер и Суханова. Лариса Рейснер обрушилась на него с полемической страстностью, желчью и ядом; в искусстве спорить у нее было не слишком много соперников. И вот, свидетелем этой стычки, показалось, что она была не совсем права в своей беспощадности. Теперь, вспоминая эти годы, подавляешь в себе чувство старой злости и досады, кипящей разобраться в этой противной смеси сухановской самовлюбленности, незнайства, позерства. Как не противно пользоваться фразеологией Шульгина, по провинциальный кулешист как избирательный тип не особенно далеко отстоял от члена РСДРП Суханова. Необременительный идейный багаж меньшевизма в общем напоминает гражданскую скорбь кулешиста, который «против крепостного права, за городское благоустройство и фонари на окраинах». И при скудном идейном багаже, при половинчатом, компромиссном разрешении важнейших социальных проблем, все та же гомерическая ложь, фальшивая идейка, с которой чуть не два века носится буржуазная интеллигенция. «Культура дело избранных». Конечно, об этом открыто не говорят, но разве не избранником, призванным творить новую культуру, чувствовал себя Суханов. В Октябрьскую революцию тысячи людей, не колеблясь, не задумываясь, порывали с этой интеллигентской самоуверенностью и «чувством», переходили на несправедливо и подчеркивание и или с винтовкой на белых и интервентов. В болезнях они разрывались с пролетариатом, они еще раз убеждались в том, что классовое чутье пролетариа помогало ему верно и быстро разбираться в самых сложных вопросах. Этих соратников пролетариата отвергала их среда, с ними порывали друзья, люди вроде Суханова, клеймили их мужество и верность словами: «авантюризм». Не в 1931 году это же слово «авантюризм» было обращено государственным обвинителем против Суханова.

Пьеса «1917 год», сочинение Суханова, поставленное Малым театром в достижение Октября, написано очевидно, до окончательного вступления его в меньшевистскую партию («Лист РСДРП (меньшевиков)» с 1929 года). Эта юбилейная дата «поднаперлась» у Суханова с другой стороны, с пересмотрным юбилеем его публичных лекций о Ленине, которые имели такой успех в 1917 году у слушателей. Очень возможно, что он писал юбилейную пьесу в честь Октябрьской революции в то время, когда уже был отвергнут готов принять «меньшевизм со всеми его позициями, интересующей и предательством». И это начальное в литературе противоречие — двурушничество не кажется нам парадоксальным, если прибить, что одна и та же рука писала «массовую контрреволюционную литературу» и письма в высший партийный орган по вопросам текущей политики, письма с знанием советской установкой. Эта политическая смердяковщина, незадолго до решающего падения, конечно, достойна пера Достоевского. Если поскоб в меньшевизм и явную контрреволюцию можно объяснить личной жалкой жажды первенства, стремлением «сожрать» во что бы то ни стало, заковыч каинской, первым «пнугом» в результате колоссальной политики, то как и чем объяснить двоевластие, что же это—«ошибка» или преступление?

«Я не понял, очевидно, чего-то самого главного в революции...»

«... централизма и экономики не понимал, того, что понимали миллионы».

Это непонимание и есть политическая смерть. И хотя субъект жив и здоров, но ему уже ничего не поможет: ни записки ученых и профессоров под прицелом, ни то, что «Абрамович помещает статьи в «Форверте». Дал в австрийской печати. Политическая смерть есть смерть, и политического мертвеца не воскресит Дан в австрийской печати и Абрамович в «Форверте». Мертвый может лежать и лежать в Думать, делать безнадежные воротнички, но он мертв.

«Дипломатический корр». Дайте телеграф сообщает со слов спецвида процесса, что обвиняемым было предписано надеть белые крахмальные воротнички, которые в СССР носят только покойники. Воротнички должны показать, что обвиняемые враги народа и возбудить чувство жалости к ним.

На этом можно и закончить политический некролог памяти Н. Н. Суханова.

Д. НИКУЛИН

Библиография

Очерк и пятилетка

I.

«Солнце лезет все выше и выше... Хорошо в такое время вырваться из душного города и ехать в деревню».

Слов нет: хорошо и дышать «деревенским воздухом», посмотреть с деревенским людьми, посмотреть «деревенский быт». Но так как нет воздух, эти люди и этот быт совершенно невозможно отделить от массового колхозного движения, а колхозным движением именно очень интересуется советская общественность то легко создать приятное с полезным, использовать дачную поездку для написания колхозного очерка.

Мы не хотим целиком обвинить М. Булатова (из книги которого «Встречные очерки» взята вышеприведенная цитата), в таком поверхностном подходе, но очерк о коммуне «Путь Ленина» очень близок к данному очерку. Автор с восторгом описывает хозяйственное благополучие коммуны, не замечая, что он лакирует действительность, упуская или сглаживая борьбу, упуская трудности и препятствия, упуская наконец, сложнейший и сложнейший процесс перерастания единоличников в коммунаров. Будучи не замазывает классовую борьбу. Разбирает, если за очерков («Новые селяне») нельзя поставить описанию борьбы с кулаками. Но в этом-то и заключается основная ошибка автора: он механически отделяет вещи, друг от друга неотделимые. В одном очерке он дает картину колхозного хозяйства, в другом — эпизоды ожесточенной борьбы, в третьем — делает упор на «твоей колхозе» бее очерки написаны о разных колхозах. Но подлинное знание вне коллективизации возможно лишь при учете всех ее элементов: экономических и общественных отношений, соотношения классовых сил, психологии и культурного уровня крестьян и т. д. и т. д.

II.

Борис Аннибал выпустил книгу фабричных очерков под многообещающим заголовком «Время, дела и люди». Однако и время, и дела, и люди Аннибала — не характерны, не типичны и часто даже вульгарны. Здесь мы опять встречаем дитский подход, механистическое подчеркивание исключений. Автор показывает людей в «высокохудожественные» моменты: в доме отдыха, на показательном суде.

Борис Аннибал впадает в восторг по поводу того, что работница спиздит расценки или волнуется за судьбу своего цеха, отставшего в соревновании. А надо бы не впадать в восторг и не просто констатировать факт, а показать, какими сложными путями шла эта работница, отбросившая рабское отношение к труду и ставшая активной участницей строительства.

Несмотря на то, что Аннибал все свои очерки посвятил одной небольшой фабрике, эта фабрика остается неопознанной, она скрывается за беспорядочным нагромождением мелочей, нехарактерных эпизодов, случайностей.

Противоположное мы наблюдаем у Ар. Млодика («Биография завода»), в книге о «Красном Треугольнике». Млодик пытается дать обобщенную картину одного из крупнейших заводов ленинграда. Он совершенно не останавливается на деталях, он не показывает отдельных людей. Поэтому, несмотря на обилие интереснейшего материала революционной и производственной истории «Треугольника» (а остается в потому, что этот громадный материал вписыт в узкие рамки брошюрной книжечки объемом «Огонек»), очерк Млодика не дает дальше сухого перечня фактов.

«Четкой сознательностью и классовой сплоченностью треугольниковцы под руководством коммунистической партии сумели восстановить свой завод». — пишет Млодик. Но опять-таки процессы восстановления, как и процессы формирования в поэта «четкой сознательности» и «классовой спаянности», не вскрыты.

Вывод:

Тяга к очерку как начинающих работников писателей-ударников, идущих в литературу с обильным материалом, так и начинающей, стремящаяся обновить свое творчество и повернуться лицом к нашему строительству. — эта тяга принесет нужные результаты лишь в том случае, если писатель сумеет из хаоса деталей отобрать важнейшие факты и марксистски их обобщить, подчинив свое творчество задачам пролетариата

Т. ТРИФОНОВА

Рассуждения досужего спецкопа

Изданная в 50-тысячном тираже «Красной газетой» книга Ник. Пожарского «Особая Дальневосточная», является лучшим образцом того, как не надо писать о Дальнем Востоке и особой Дальневосточной Краснознаменной армии.

С самого начала напугавшись на перуне. Бесстыдный свой разговор с одним из командиров ОДВА, Пожарский пишет: «Вот мы проезжали мой разъезд, там служит мой ближний товарищ...»

Жуликоватый спецкоп Пожарский обязан [illegible], что, проезжая из Ленинграда в Хабаровск, попасть на 86-й разъезд нельзя, так как 86-й разъезд остается километров на 330 восточнее.

Далее:

«... тела неизвестной семьи зеленеется лесочек [illegible]» (53 стр.). А мы до сих пор по-прежнему считали, что в лесах — это основная рабочая часть [illegible] дальневосточ.

Но это, если [illegible], неточности можно было бы не обратить внимания, если бы Пожарский писал то, что было, а не то, что он выдумал. Получаются такие исторические неточности: «У нас здесь в бытие время много непроявленных почтей перемывало в хунхузы, и генералы с атаманами [illegible] ст. Гродеково, Уссурийской ж. д.). Здесь ведь когда-то была станица известного жиндера Калмыкова». Это говорит Пожарскому бывший партизан, теперь — охотник. Если бы такой разговор был в действительности, то Пожарский узнал бы, что в Гродеково пытался основать свою столицу генерал Хорват, объявивший себя царем всея Руси, а Калмыков оперировал в Хабаровске, где и сейчас хорошо помнят его бронепоезда «смерти».

О каждом абзаце книги Пожарского «Особая Дальневосточная» можно было бы писать особо, но не стоит тратить бумагу и время. Остановимся только на главе «Под Лахасусу» (стр. 61—70). Она замечательна тем, что смазывает роль амурской военной флотилии так же, как глава «Стальные люди», смазывает роль воздушных сил и, в частности, эскадрильи «Дальневосточный ультиматум».

Если верить Пожарскому, то флотилия, разбив китайский флот у Лахасусу, высадив десант и приняв участие в занятии города Лахасусу, ушла на зимовку, уступая перед наплывающимися с Сунгари и верховьев Амура льдами.

История говорит другое: амурская военная флотилия проведя операции у Лахасусу, высадила десант, который и разгромил крепость Футдин — это гнездо «опорный пункт белокитайцев по пути из Харбина к Сахалину, к Благовещенску и Хабаровску.

Книга Пожарского не только не закладывает зерна ненависти против тех, кто отнял тысячи жизней лучших детей страны, кто китайского крестьянина и рабочего толкал на убийство русского крестьянина и рабочего, не только не дает картины дикого разгула китайской военщины, грабящей мирного население белокитайцами, не дает картины самоотверженной борьбы частей ОКДВА за мир, но смазывает все это, преподносит все в незерном и размагничивающем освещении.

Кроме вреда от нее ничего ждать нельзя.

С. ПОГОДИН

На спектаклях

Театра Красной армии

„Междубурье“—„Удар в степь“

Командир Дыбов отрицает науку стратегии и техники — во имя партизанской удали. Его пренебрежение взглядом на науку, романтическое предпочитание «подвига» имеет определенные социальные корни. Вскрыты ли эти корни, обоснованы ли идеи Дыбова — в пьесе Курдина и Всеволжского «Междубурье»?

Вспомним карпинский «Хлеб», где тоже есть Дыбов—Раевский, превращающий «подлетовку» ради возвеличения «геройской личности». «Хлеб» идет дальше «Междубурья», в специальных сценах вскрываются социальные корни раевщины: мелкобуржуазная революционность.

Впрочем, авторы «Междубурья» как будто бы дают попытки и социальных мотивировок. Дыбов, уволенный из армии, попадает на завод: пролетарское окружение должно воспитать Дыбова, вытравить его мелкобуржуазную закваску, отучить от буйных проявлений его личности. Интереснейший замысел — показать в художественных образах процесс классовой передельки... Но — только замысел. Дыбов в синеоднеде, среди стачков, улучшая удобную минуту, прикладывается к бутылке. Мастер, пробовавший его устыдить, отступает под градом ругательств.

Авторская задача заключается, между прочим в том, чтобы художественно опровергнуть Дыбова, показать вздорность его идей, разубедить Дыбова, если допустить, что таковой находится в зрительном зале. Но вряд ли авторы разубеждают. Плохой это аргумент — субъективный психологизм. Боевой командир, пошел на лекции политический путь, сворачивает с верной бытовой дороги: пьет, теряет человеческий облик, пьяный валяется на полу в казарме... Еще пол акта и он кончит... белой горячкой. Этим разубеждей Дыбов-читель? Разрешите сформулировать. «Белая горячка — вот путь всякого, игнорирующего науку и технику в будущей войне».

Поскольку нам известно, это заброкованный и неудачный прием. Но авторов уже не остановишь. Им мало Дыбова, они выводят и его подругу, жену командира полка, бывшую портнихину.

Если в «мужчине» Дыбове авторы не могли особенно разойтись с «переживаниями», то сейчас они устраивают форменную оргию. Тем более, что «завязка»—тема в полках и крепостях, с порочностью лицом светской дамы — тоже против танков.

Она тоже пьет. Мало! Она окружает себя чуждым буржуазным обществом. Мало! Закатывает пьяные оргии с вином и переживаниями. Наконец, возвращается к мужу. Возвращение обозначает поражение и капитуляцию. Какого рода капитуляцию? Двух мнений нет: политическую. Иначе — к чему эта бурная гамма страстей и душевных порывов? Зачем лучшие художественные краски наложены в этом месте? Зачем даже на боевые, интересные и нужные части пьесы падает «роковая» тень «прекрасной партизанки»?!

*

«Удар в степь» Гл. Алексеева — пьеса бесспортста, наивно поэтичного перехода к драматургии. Оказывается, это простая оперетка: обычная бесспортстический текст разбивают на абзацы и закрепляют за отдельными лицами. Что получается при этом на сцене? Грохкая лишь посредственной пьесы «Удар в степь» чтецами-профессионалами. Комедия характеров или комедия положений. — безразлично, — должна иметь в основе движущую событии пружину. Такой пружины в «Ударе в степь» нет, поэтому — и действия нет, нет, значит, и пьесы. Даже диалог, такой будто обильный у Гл. Алексеева, — не есть драматический диалог. Простая реплика в пьесе — синоним действия, она двигает интригу или раскрывает характер. Диалог Гл. Алексеева риторичен, в целом же — это декламация.

Не хотим подозревать режиссера Волкова в коварных умыслах против автора. Но сам того не замечая, режиссер безжалостно разбивает Гл. Алексеева, поставив в обеих удалых сценах... две трибуны. Поскольку герои только ораторствуют, сценная конструкция для них... трибун.

Если бы автор, избрал для своих экспериментов любую каменную тему, скажем, бетонную, не следовало бы особенно горячиться. Но Гл. Алексеев работал на ответственном материале, колхозной тематике.

В далекую степь красноармейцы переезжают своих родных и строят коммуну. Содержание пьесы, было полагать, стройка коммуны. Но «Удар в степь» — информация о стройке коммуны. Стройки нет. Собственно, даже информации нет. Все действие сводится к тому, что крестьяне декламируют на тему: «Не хотим степи-и, хотим домо-ой». А председатель декламирует на тему: «Не уходите домо-ой, а оставайтесь в степи-и». Вопрос — «кто кого?» — решает горло. Кто кого переговорит. Ясно кто переговорит. Председатель.

Какой выход сделает из пьесы многочисленный красноармейский зритель, в ближайшем будущем — строитель колхоза. Учит его пьеса? Помогает строить колхоз, бороться с трудностями, избегать ошибок? Бороться, строить, избегать... К чему вся эта канитель? По рецепту Гл. Алексеева, наш красноармеец просто произносит пламенную речь. И... проваливается. Кто будет в отсте? Да, т. Гл. Алексеев, огромную политическую ответственность берет на себя автор колхозной пьесы. Не чувствуем мы этой ответственности в «Ударе в степь». Легкомысленно, **литераторски**, понял автор свою задачу. Тема обязывает, суровая тема, не допускающая смягчающих вину обстоятельств.

**

На писательском собрании, обсуждавшем «Удар в степь», многие голоса пытались смягчить критику автора упреками по адресу театра. Вероятно — не лучше ли «на себя оборотиться». Актерское исполнение, оставляющее желать лучшего, несравненно выше драматургического материала, с которым мы имеем дело.

Актер Благонравов, например, в роли Рощина разоблачил классовое происхождение рощинских взглядов: внешне безупречный облик красного командира то и дело являет барское высокомерие к «хаму», к «низкому типу». **Актер Ильченко** нашел разнообразнейшую гамму красок для фигуры Дыбова.

Коллектив Театра Красной армии заслуживает более квалифицированного материала. Нарядным разнообразием наших художественных организаций в театру мы обязаны его нынешний посредственный репертуар. Обидно ведь напоминать о гигантском военно-агитационном значении искусства. В дни декады обороны на эту тему сказано и написано было много. Мы не можем, например, не вспомнить замечательно смелого и оригинального предложения, сделанного на большом собрании одним из руководителей московской армии искусства.

Предложение это, принятое бурными, переходящими в овации аплодисментами, заключалось в необходимости взяться, наконец, за создание... Театра Красной армии.

Ю3

Проблема театра народов СССР

Дискуссия в Академии искусствознания

Докладом С. И. Амаглобели началась в ГАИС дискуссия о проблеме национального в искусстве.

Докладчик указал, что главной опасностью в данной момент является великодержавный шовинизм, смыкающийся с местным национализмом. Последний, имея свои корни в отживающих классах бывших порабощенных народов, стремится изгадить и феодально-буржуазные стили, замкнуться в узко-этнографических рамках, исторгнуть пролетарское содержание, обосновать друг от друга народы СССР. Этого рода национализм орнентируется на буржуазный Запад. Все эти тенденции находят свое выражение и на местах, и в центре СССР. Проблема национальной формы в театре, в условиях диктатуры пролетариата и строительства социализма в одной стране, должна решаться под углом зрения ленинской национальной политики, которая вскрывает классовую сущность каждой национальной культуры.

Промаршировав ошибки в концепциях ряда искусствоведов (т. Маца, Керженцева, Эм. Бескина и др.), и охарактеризовав доклад развитие национально-культурного строительства народов СССР, т. Амаглобели устанавливает предметы нашиной у театров различных национальностей тенденции отказать не что бы то ни стало особую национальную форму, данной национальности присущую. Нужна не эта самодовлеющая форма, а та, которая максимально раскрыла бы пролетарское содержание.

Отсюда перед театрами народов СССР встают следующие задачи:

1. Создание пролетарского театра на языке данного народа (уделяя особое внимание тормозному движению, самодеятельному театру).

2. Диалектическая переработка театрального культурного наследства данной народности, как и вообще всей театральной культуры.

3. Подъятие театра над узким национальным масштабом, использование пролетарской драматургии народов СССР и Запада.

4. Критическое использование классического репертуара.

5. Изучение языков — этнографических форм и показание новых пролетарских форм для пролетарского содержания.

По докладу широко развернулись прения, замечание уже два заседания.

Н. Туркельтауб, признавая методическую ценность доклада, резко изменив его положения лишком явной уклонист. театра, отметил, что проблема специфики национальной формы в театре осталась в докладе неучтенной и упущен докладчиком в том, что он не вскрывал о некоторых прошлых своих эпизодных формулировках.

Б. Ярославский иллюстрировал положения доклада разбором **формалистских устремлений Госета** и заодно на этого театра творчества Лутошкина.

М. Рафальский, оспаривая тезис докладчика о ненужности особой национальной формы, противопоставила интернационалистической линии Московского Госета пролетарскую линию Госета Белоруссии.

Г. Лелевич рядом иллюстраций из советской литературы продемонстрировал наличие в ней шовинистических тенденций и стремление изгнать революционное содержание в рамки стиля «раз». Оратор считает пуганом в искусстве не национальную форму, а национальный зарниц пролетарской формы, базирующейся на учете особенностей каждой национальности.

И. Лойтер говорит о путанице и разброде, существующих у практиков театра и мешающих правильной ориентировке.

В. Пакуш находит, что утверждение докладчика о ненужности особой национальной формы отклоняет шовинист. пролетарский и настаивает на необходимости для т. Амаглобели отмежеваться от ряда ошибочных положений, высказанных им и его клаке о грузинском театре.

Литературная бригада „Правды“

При редакции «Правды» 9 марта состоялось очередное собрание «бригады политического жанра». Выступивший с докладом зав. культотделом «Правды» т. **Резников** подчеркнул, что бригада является не самостоятельной литературно-творческой организацией, а только газетной бригадой «Правды». Сейчас бригада будет работать под непосредственным руководством культотдела «Правды» и перед ней поставлен ряд практических задач: обследование работы печати в связи с лозунгом овладения техникой, создание культурных бюсиров на различных строительствах и т. д.

На собрании, между прочим, отмечалось, что до сих пор работа бригады в результате слабого руководства не выполняла своих задач; кроме того, в ней наблюдались рецидивы «литфронтовщины».

КАЛЕНДАРЬ РАБОТЫ КЛУБА ФОСП

14 МАРТА — 20 ч. Вечер художественного рассказа Л. Н. Шумской. В программе — Ильф и Петров, Катаев, Маяковский, Чехов, Зощенко и др. Вход свободный.

14 МАРТА — 16 ч. Заседание выездного президиума Облотдела союза печатников и бумажников и Месткома писателей.

15 МАРТА — 15 ч. Секретариат ЛОКАФ.

15 МАРТА — 19 ч. Белорусская секция МАПП.

15 МАРТА — 20 ч. «Перевал».

16 МАРТА — 20 ч. Театр «Современник». «Пеструшка» Достоевского «Белые ночи», Гоголь — «Шинель», Пушкин — «Медный всадник». Автор — В. Жонтов, постановка С. Вахтимирского.

16 МАРТА — 18 ч. Философское совещание РАПП.

17 МАРТА — 20 ч. Доклад С. Богуславского «Эволюция музыки» с музыкальными иллюстрациями.

17 МАРТА — 18 ч. Актив МАПП.

18 МАРТА — 20 ч. День МОПР. Вечер, посвященный Парижской Коммуне. Торжественная часть, Большой концерт при участии И. М. Москвина, М. М. Блюменталь-2. **Подготовка к 1 мая.**

ИЗВЕЩЕНИЯ

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ МАПП

Секретариат предлагает в ежедневный срок сообщить свои адреса организациям в письменном виде (Москва, улица Воровского, 52).

* 14 марта, в 18 ч. — собрание литературной бригады «Правды» (Тверской, 48, клуб [illegible], 2 этаж). В повестке: 1. «Овладение техникой» — доклад т. Ильина, 2. Подготовка к 1 мая.

* 14 марта, в 19 ч. — организационное объединение рабочих-писателей при журнале «Пролетарский Авангард» (Лубянский проезд, комната 60). Деловые вопросы. Доклад — «Классовая сущность меньшевизма и литературная критика». Вступительное слово А. В. Луначарского. Докладчики: т.т. Аборбах, Авдеенко, Бесстаров, Динамов, Добрынин, Нусинов, Вонгт и др.

* 15 марта в 19 ч., в секции литературы и искусства народов СССР (Волхонка, 14) — продолжение прений по докладу т. Лебедина «Современная литература Армении». Вход свободный.

* 15 марта, в 19 ч., в помещении «Пролетарского Авангарда» — общее собрание московской творческой группы РАПП «Кузница». Доклады Бахметьева и Лежко «О творческих индивидуальной работы «Кузницы» как творческой группы РАПП.

* 15 марта, в 19 ч. 30 м. — собрание детской секции ВССП. Комната 16. Там же в 17 ч. — бригада по учебной книге.

* 16 МАРТА, в 17 ч., в помещении школы им. Радищева (ул. Радио, д. 10, трам. 8 и 20) состоится ОТКРЫТИЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЦЕХА ПАГИ. Приглашаются: тт. Аборбах, Бирюков, Грудская, Боровой, Луговской, Багрицкий, Жаров, Утин, Безыменский.

* 17 марта, в 19 ч. — «Новая Кузница» и «Рабочая Весна» (Тверской 6., 25), Н. Н. Дементьев прочтет сатирический роман — «Вибессинская курантьі».

* Секретариат МАПП доводит до сведения районных бюро Московской и областной организаций, что выделенные на литературный рабфак ударники из нашей организации не посещают 29 марта лекции прочитанные материалы и характеристики товарищей, выделенных организациями на рабфак. Районы г. Москвы должны выделить по 4 человека каждый. Кандидатуры должны быть согласованы с местными партийными и комсомольскими организациями. Кандидаты посылаемых должны быть обсуждены на кружках. Посылаются только рабочие-ударники, имеющие производственный стаж не менее 4 лет. Пять человек должны выделить секции изящных литератур МАПП. Все организации в области должны выделить по 2 человека.

СЕКРЕТАРИАТ МАПП

14 марта в ГИХЛ (Никольская, 10/2), в кабинете председателя правления Общая дискуссия современной поэзии организует ЧТЕНИЕ РОМАНА БОРИСА ПАСТЕРНАКА «СПЕКТОРСКИЙ». Читает автор. Начало в 7½ часов.

Ответственный редактор: С. ДИНАМОВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, И. Жига, Л. Ильинский, И. Катаев, Г. Коренев, Н. Огнев, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский

ИЗДАТЕЛЬ: Акционерное Изд. О-во «Огонек».

На литературных вечерах

„Мадур-Ваза“

На читке новой поэмы С. Клычкова

Мадур-Ваза—так зовут сказочного героя вогулов. Много веков рос эпос о Мадуре. Миф о нем вобрал в себя образы дикой северной природы, старинные верования, обычаи, обряды. Но наиболее широко развился он в XV—XVI веках, когда к вогулам проникли русские. Под «мудрым» скипетром русского царизма народ вогулов стал быстро вымирать: их осталось всего около 5.000 человек. И в эпос проникли мотивы борьбы и возмущения воинственным игом.

В поэме «Мадур-Ваза», отрывки из которой **С. Клычков** читал на днях в Доме Герцена, он дал большую обработку материала, пользуясь переводом **Плетникова**. Но при этом, по мнению фольклористов, поэма Клычкова представляет для изучения более ценный материал, чем точный лингвистический перевод.

Слушателей — не специалистов несколько смущает, что по размеру и построению стиха поэма Клычкова чрезвычайно напоминает «Гайавату». Это объясняется тем, что Клычков и Бунин имели перед собой один и тот же образец—Калевалу в переводе Бельского.

В поэме Клычкова наиболее интересны те страницы, в основу которых легли вогульские мифы, создавшиеся уже в последнее время вплоть до наших дней.

Выступавшие после читки С. Клычкова профессор **Ю. Соколов** и **И. Евдокимов** отметили, что поэма о Мадур-Вазе представляет собой большую ценность, она является самостоятельным художественным произведением, занимающим очень значительное место в творчестве С. Клычкова, и представляет собой интереснейший материал о народе почти неизвестном, но сумевшем создать огромные поэтические ценности.

СКАЗ

8-е марта в клубе ФОСП

В клубе ФОСП состоялся 8 марта вечер, посвященный женскому дню, жизни.

Доклад о роли советской женщины в трудовой, общественной и творческой жизни сделала т. ИСКА ЭНГЕР.

На вечере выступали тт. В. ЭНГЕР, Е. СЕРГЕЕВА, МАРИЧЕВА и артисты К. САРАДЖИЕВА, ЗИНА ЗЕЛЕНАЯ, Н. МИХАЛОВСКАЯ, ПОЛОВИКОВА и ГАРТАКОВА.

На творческом вечере Л. Леонова

— Труден найти среди наших писателей, — говорит докладчик И. Нусинов,— художника, так глубоко усвоившего культуру прошлого и в то же время более требовательного к себе в искании новых путей.

И. Нусинов видит три периода в творчестве Л. Леонова. В первый период перед Леоновым возникла проблема борьбы стихии и революционной организованности («Барсуки»). Здесь на мраком прошлых дней России Леонов не увидел дверей в светлое будущее, открытых Октябрем. В какой мере не являясь идеологом мещанства, неизвестно его, Леонов все же не видел выхода из тупика и на втором этапе своего творчества, пытаясь заново поставить проблему лишнего человека в «Литвинове». И только на третьем, сегодняшнем, этапе Леонов выходную подошел к советской действительности, увидел ее грандиозные перспективы.

Погашение произведения Л. Леонова — «Соть» и «Саранчуки» — в смысле идеологическом является огромным шагом вперед.

Эта характеристика творчества Леонова, данная И. Нусиновым, была проиллюстрирована отрывками из повести «Саранчуки», прочитанными артистом ШВЕТАЕВЫМ. Сделанные с большим мастерством, они ярко рисуют героев работников, посланных на борьбу со стихийным врагом урожая—саранчой. Отрывки из «Соти» прочел затем сам автор.

Е. Я.

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ В СССР ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

Редактор Мих. КОЛЬЦОВ.

В 1931 г. «Огонек» углубит перестройку журнала в сторону еще большего отражения в статьях, очерках, рассказах и других материалах всех видов нашего социалистического строительства.

«ОГОНЕК» знакомит с достижениями полезного строительства и с недостатками препятствий и прорывов, мешающих его росту. В каждом номере печатаются статьи, фельетоны, очерки, рассказы и снимки ударников, рабкоров, селькоров и фотокоров, обогащающие разнообразную, широкую и правдивую картину жизни, быта и выполнения промфинплана нашей страны.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «ОГОНЕК» без приложений: год—3 р. 25 к., 6 мес.—1 р. 75 к., 3 мес.—90 коп., 1 мес.—30 коп.

Подписку сдавайте исключительно на почту или письмоносцам.

Переводы в издательство посылать не следует.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА С 1 АПРЕЛЯ НА

ЖУРНАЛИСТ

ЖУРНАЛ ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ, ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ, ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ И ХОЗЯЙСТВЕННЫМ ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 15 ДНЕЙ

Журнал [illegible] редколлегиям фабрично-заводских и колхозных газет, одобрам, стенгазетчикам и всем, интересующимся вопросами печати. «Журналист» необходим как руководящий политический и научно-газетной работы, как пособие к повышению своей квалификации.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ на 1931—1932 гг.

	12 мес.	6 мес.	3 мес.
«Журналист»	[illegible]	3.50	2.—
«Журналист» с приложением Библиотеки «Журналист»	10.—	5.50	2.75

Подписка принимается ТОЛЬКО на почте и письмоносцами

Адр. [illegible] О-во «ОГОНЕК», Москва, [illegible] 11.

НОВАЯ КНИГА

БОРЬБА ЗА МЕТОД

К ТВОРЧЕСКИМ РАЗНОГЛАСИЯМ В РАПП'е

ГИХЛ Книгоцентр

Сборник дискуссионных статей о творчестве писателей Д. Фурманова, Ю. Либединского, А. Безыменского, Ф. Панферова, В. Маяковского, Л. Оленова, А. Суркова, О. Эрдберга, В. Вишневского, Б. Пушнера. С предисл. Л. Авербаха. Стр. 336. Ц. 2 р. 50 к.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ.

ИЗОГИЗ Книгоцентр

НОВАЯ КНИГА

А. Тихомиров

ГУСТАВ КУРБЭ

Художник Парижской Коммуны

Его жизнь и творчество

С многочисл. иллюстрациями

Стр. 102. Ц. 1 р. 50 коп.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

с 1 апреля на 1931-1932 гг.

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ФОТО-АППАРАТ на службу культурной революции, на выполнение пятилетки в 4 года

ПРИЛОЖЕНИЯ: «Фотографическая библиотека», «Фотографические альманахи на 1931 г.», «Календарь-справочник фотографа».

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: «Советское фото» с приложением библиотеки «Советское фото» — 12 мес.—12 руб.; 6 мес.—6 р. 50 к.; 3 мес.—3 р. 50 к. «Советское фото» без прилож.—12 мес.—6 р.,—6 мес.—3 р. 25 к., 3 мес.—1 р. 75 к.

Массовый двухнедельный журнал советского фотолюбительства и фоторспорта. Освещает вопросы современной фототехники, информирует о заграничных достижениях в области фото, ведет бесплатную консультацию по всем вопросам фотографии и фотокружковой работы.

Годовым подписчикам «СОВЕТСКОГО ФОТО», внесшим подписную плату один временно, бесплатно «КАЛЕНДАРЬ-СПРАВОЧНИК ФОТОГРАФА». Остальным за доплату в 1 руб. 50 коп.

Всем подписчикам за доплату в 1 р. 50 к. «ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ». Подписку сдавайте на почту или письмоносцам. Переводы в издательство посылать не следует.

Акц. Изд. О-во «СТАНКИ» Москва 6, Страстной б., 11.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА с 1-го АПРЕЛЯ на

ЛИТЕРАТУРНУЮ ГАЗЕТУ

орган Федерации об'единений советских писателей

ВЫХОДИТ КАЖДЫЕ 5 ДНЕЙ

подписная цена: 12 мес.—3 р. 50 к., 6 м.—1 р. 75 к., 3 м.—90 к.

ПОДПИСКА НА КОМПЛЕКТЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ за январь, февраль и март месяцы НЕ ПРИНИМАЕТСЯ

Подписку сдавайте на почту

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1931 Г. на журнал

ГИХЛ

ОКТЯБРЬ

6-й ГОД ИЗДАНИЯ

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал Всероссийской и Московской ассоциаций пролетарских писателей.

Редакционная коллегия А. ВЕСЬХ, А. КАРАВАЕВА, Г. КОРАБЕЛЬНИКОВ, Ф. ПАНФЕРОВ, М. СВЕТЛОВ, А. ФАДЕЕВ, М. ШОЛОХОВ.

ОКТЯБРЬ

группирует вокруг себя пролетарских писателей, растущий литературный молодняк и близких революции писателей советской интеллигенции.

ОКТЯБРЬ

печатает лучшие произведения пролетарской литературы, освещает важнейшие явления политической и культурной жизни страны, сосредоточивая свою работу на создании школы пролетарской литературы.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ № 1

В НОМЕРЕ:

П. ОРОВЕЦКИЙ — Записки ударника. ◇ В. КИРШОН—Хлеб (Пьеса). А. ГИДЕШ — Из цикла «Эза». Стихи ◇ Б. ЛЕЖИН—Жили два товарища (Повесть) ◇ В. РЕЗНИКОВ—Два стихотворения ◇ А. СВИРСКИЙ—История моей жизни Повесть. Часть II. ◇ ЯР. СМЕЛЯКОВ—Баллада о числах. Стихи

ЗАПИСКИ ПИСАТЕЛЯ:

А. МИТРОФАНОВ—От автора.

ПЕРЕЖИТОЕ:

СЕН-ЖАЛЯМИ—Пройденный путь. Ч. II.

ЖИЗНЬ НА ХОДУ:

О. ФУЛЬЕ—Образы рабочей Германии. Очерк.

А. КРОНГАУЗ—Интеллигенты у станка. Очерк.

БИБЛИОГРАФИЯ:

Г. БЕРЕЗИН—Белорусская литература в русских переводах.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год за 12 №№—12 руб., на 6 мес.—6 руб. на 3 мес.—3 р. Цена отдельного номера 1 р. 10 к.

Подписка принимается: в Периодсекторе Книгоцентра ОГИЗа в Москве, Пушкина, 3, в магазинах и отделениях Книгоцентра и на почте.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ВСЕРОССИЙСКОГО, МОСКОВСКОГО И ЛЕНИНГРАДСК. ОБЛСОВЕТОВ О.Д.Д.

ДРУГ ДЕТЕЙ

Ответств. редактор О. Д. КАМЕНЕВА.

Журнал, как и общество «Друг Детей» является центром мобилизации сил и средств пролетарской общественности на помощь делу коммунистического воспитания и пионердвижения.

Журнал рассчитан на широкий актив членов общества «Друг Детей» и Детскомнаты, комсомольские организации, работники матерей и т. д.

С 1-го номера 1931 г. журнал выходит в издании Акц. Изд. О-ва «ОГОНЕК».

Подписная цена: 1 год—2 р. 40 к., 6 мес.—1 р. 20 коп., 3 мес.—60 коп.

Подписку сдавайте только на почту или письмоносцам.

Издательство „ФЕДЕРАЦИЯ“

НОВЫЕ КНИГИ:

Ив. Абабков — ЗОРЬКА 134 стр., ц. 80 к.

Яков Ганзбург — КУСТЫ И ЗАЙЦЫ т. 2 Романа 260 стр., ц. 1 р. 80 к. пер. 20 к.

Василий Дворцов — ЗАБУРУННЫЙ КРАЙ Роман кн. 2 300 стр., ц. 1 р. 80 к. пер. 20 к.

Серия «Соц. строительство»

Даниил Кротенков — СТЕПНЫЕ ВСХОДЫ очерк о колхозах Второе издание дополненное 222 стр., ц. 1 р. 20 к.

Серия «Соц. строительство»

Павел Кофанов — СТАНИЦЫ В ОГНЕ Повесть. 110 стр., ц. 90 к.

Федор Наседкин — ВОЛЧИЙ ЛОГ Повести. II. ц. 1 р. 20 к.

Милий Езерский — ЗОЛОТАЯ БАБА Роман. 324 стр., ц. 2 р. перепл. 25 к.

Вл. Лидин — ОТСТУПНИК Роман. Издание второе 220 стр., ц. 2 р., пер. с лет 20 к.

Н. Незлобин — МОСТ. 75 стр., ц. 95 к.

Георгий Павлов — ЭПОПЕЯ ПЕТРА КУНИЦЫ 320 стр., ц. 1 р. 35 к.

Иван Приблудный — С ДОБРЫМ УТРОМ Лирика—Сатира: 1925—1929 82 стр., ц. 1 р.

М. Шошин — АСТРАБАТ Героические рассказы 252 стр., ц. 1 р. 75 к.

Заказы направлять в Книгоцентр ОГИЗ'а Москва, Кузнецкий, 15

Уполном. Главлит В 1092.

Ротапринт (98) типографии «Искрогиграф», ул. Скворцова-Степанова, д. 3.